

Третья история вселенной Бесцейна

Царство лжи Берилл

Анастасия Сагран

18+

Анастасия Сагран
Царство лжи Берилл

«Автор»

2015

Сагран А.

Царство лжи Берилл / А. Сагран — «Автор», 2015

Полторы тысячи лет крылатая Берилл Сильверстоун любила только цветы. И даже предсказанный ясновидящим жених, принц-перевёртыш Хант, не взволновал её. Он всего лишь вояка-выскачка, который не смог придумать ничего лучше похищения. К счастью, в его подземном дворце есть уникальные цветы и это означает, что впереди у Берилл многочисленные открытия в ботанике. Но как же удивительны нравы перевёртышей!.. Принц-вояка назначил своего любимого сына эристой, чья обязанность каждый вечер целовать Берилл и раздевать её для Ханта!

© Сагран А., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Первый герцог	6
Глава 2. Миллион поцелуев	12
Глава 3. Эриста	20
Глава 4. Детский вопрос	28
Глава 5. Предупреждение	35
Глава 6. Спасительный Шон Грэм	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анастасия Сагран

Царство лжи Берилл

Предисловие

Самый многочисленный и живучий вид человекоподобных разумных во Вселенной, перевёртыши, назван так из-за способности ходить по стенам и потолкам. Кроме того, для полёта им не нужны крылья, для дыхания не обязателен воздух необходимого людям состава, а для питания – органическая пища. Перевёртыши не боятся экстремально высоких и низких температур и радиации, и отравить их тоже достаточно сложно. Всё это позволяет им путешествовать через гигантские расстояния и использовать для краткого отдыха лишь случайно попадающиеся астероиды. Но у перевёртышей есть религия и богатая культура, ценности, воззрения и вкусы, схожие с теми, что воспитываются у прочих человекоподобных. Потому для жизни перевёртыши выбирают цветущие планеты, подобные Клервинду.

Первое царство перевёртышей привёл древнейший шипастый Ли в 42-м году эпохи Непредвиденного. И будь Клервинд заселён только людьми, никакой полномасштабной войны не было бы. Но крылатые, жившие среди аборигенов, не пожелали смириться с присутствием перевёртышей на планете. А Ли не пожелал отступить и сражался за местечко “Лифорд” так упорно, что получил подобное названию прозвище. Позже к Ли на помощь прилетело ещё три царства, а крылатые пробудили своих древнейших, получивших поддержку от фитов – четвёртого вида человекоподобных.

В быстро меняющихся реалиях войны лучи славы то и дело освещали простого малого по прозвищу Колин Хант, имевшего незавидное детство попрошайки. О подростке Ханте говорили, как о лучшем мечнике царства Ли, как об отце умной, ловкой, сильной, умопомрачительной герарды, затем – как об особенно удачливом военачальнике. И в 116 лет, неправдоподобно рано для перевёртыша, Хант уже возглавил собственное царство и стал одним из пяти полноправных лидеров своего вида.

Война закончилась миром; крылатые смирились с соседством перевёртышей, и, чтобы не допустить повторения кровавого противостояния, приняли решение присягнуть одному императору, человеку по имени Эрик Бесцейн. Цари, древнейшие и владельцы крупнейших земель, сохранив за собой владения, стали принцами – принсипатом – высшим кругом советников властителя планеты.

Вид перевёртышей насчитывает три расы. Среди них высшая раса – варлорды, середина – инуэдо, низшая – шипастые. Все перевёртыши вселенной Клервинда внешне однотипны только в пяти вещах – они темноволосы, безбороды, их кожа очень твёрдая, кровь – черна, а зрачки треугольной формы. Так, тела инуэдо и шипастых мужчин и женщин каждые пять лет обрастают доспехами и шипами. На голове точно так же растут рога, периодически сбрасываемые. Инуэдо отличаются от шипастых тем, что доспехи и шипы защищают куда меньший процент их кожи. Варлорды, самые малочисленные, но более быстрые и сильные, чем все другие, от природы лишены доспехов, шипов, а часто и рогов – иной раз их сложно отличить от высоких черноволосых людей. Смешанные, межрасовые браки порождают перевёртышей со средним количеством шипов и доспехов и вполне допустимы.

Глава 1. Первый герцог

Это получило продолжение зимой, в самом начале 247-ого старой эпохи "Непредвиденного". По крайней мере, тогда ещё никто, кроме ясновидящего, не знал, что рассказывать молодёжи об этом годе придётся как о 3-м эпохи под названием "Террор Сапфира". Всё потому, что за начало новой эпохи 244-й признают ещё через некоторое время. И потомки будут думать, что никакого 247-го года не было. Был 3-й. А рассеянные старики и те, кому тот временной отрезок врезался в память, будут до бесконечности вносить путаницу в датировках, если (о нет!) начнут писать мемуары или, на исходе своих дней, рассказывать всем любопытным так, как им это запомнилось, потому что для них это так важно – 247-й!

Империи принц-перевёртыш Колин Хант снова заговорил о браке. Подумав, крылатая Берилл Сильверстоун сочла, что такому типу как он, где-то мог привидеться добрый знак.

На улице мела позёмку зимняя стужа, а леди обходила цветы в оранжерее. В подобных пристройках других богатых домов хотя бы стояли стулья, столики или скамьи, но здесь любая мебель была лишней – кадки с многолетней зеленью или горшки с едва давшими первые ростки созданиями заняли почти каждую поверхность. Потому крылатая собрала юбки и высоко, до колен, подняла их, чтобы не задеть хрупкие нежные или ломкие, слабые, замирающие от холода соцветия и веточки тех растений, что моложе.

К тому же сегодня леди улыбнулась мужчине на редкость лучезарно: он не появлялся несколько дней, но пришёл как раз в день полива. И не забыл свою роль – носить за ней ушат с водой, пока она обходит один за другим каждый ряд продолжающих рост созданий.

– Выходи за меня, Берилл. Я дам тебе всё, что ты хочешь, – заговорил он, так и держа свою ношу в руках. Потому что ставить было некуда. Он решил сделать предложение прямо на тонкой, шириной ровно в его ступню, дорожке между горшками. – У меня есть деньги и я способен купить все самые редкие цветы для тебя. У меня есть много земли – ты вольна разбить там сады шириной до самых краёв и высотой хоть до неба.

Берилл засмеялась и, балансируя на одной ноге, обернулась к перевёртышу:

– У брата тоже есть деньги. И земли хватает. У его жены и то земли для садов больше, чем мне надо. Но знаешь, что... – Берилл задумалась, переводя только что начатый озвученный монолог в исключительно мысленный.

В её планах всё ещё имелось место для продолжения старых экспериментов с селекцией фруктовых деревьев. Места для таких экспериментов действительно надо немало.

Хант смотрел, как она наклоняется к очередному своему "малышу" и по тому, как перешла к другому, не оглядываясь, понял, что она считает разговор оконченным, несмотря на поданную надежду этим её "знаешь, что..." Его давно начала посещать мысль о том, что она не думает о нём хоть сколько-нибудь всерьёз. Что он для неё не мужчина вовсе. Только нечто опасное, но послушное.

И с тех пор он больше не говорил с ней. А она – с ним. Не смотря на то, что он ещё появлялся, чтобы видеть её и помогать ей, ни слова между ними не было произнесено. Берилл была обижена, напряжена, ей не хотелось его видеть.

Всё потому, что сразу же после её отказа, Хант пошёл к пробуждённому прародителю клана Си, как иной раз для краткости именовали Сильверстоунов, крылатому принцу империи, ясновидящему Сапфиру, и напомнил ему о том, что всегда голосовал за его проекты только потому, что тот обещал ему подпись Берилл в её брачном контракте. Пять лет Колин Хант, принц-перевёртыш, терпеливо ждал. Но сейчас, когда грудь разрывает от сладкой боли всё сильнее, начинает казаться, что действительно можно умереть от любовной тоски. Чтобы не погибнуть самому... он поймает крылатую.

Сапфир, как истинный представитель своего вида, не стал брать назад своих слов.

Берилл была свободна в выборе жениха, но вот уже больше, чем пятнадцать сотен лет она интересовалась только цветами, и решено было сделать всё, чтобы устроить её. Конечно же, брат Берилл, влиятельнейший герцог Сильвертон, был против договорённости прародителя. Он разрешил сестре отказать: "Сапфир сможет оплатить за поддержку иначе и выгоднее для Ханта, если только захочет".

И Берилл показала, что для неё авторитетнее мнение того, кто отстаивает её интересы на данный момент.

В середине весны Колину Ханту сообщили, что контракта не будет. А в первый летний день он пришёл к ней в сад и... унёс объект любви и страсти в свой дворец, что на востоке от столицы империи, под старыми холмами.

Он оставил её посреди лабиринта подземных коридоров и колодцев, в сумрачной комнате, с дверью в потолке, в полу, в одной из стен из полупрозрачного камня и в той, напротив, в которой не было ни одного места шириной в ладонь, без крошечного отверстия-глазка. Словно бы это была комната, созданная для того, чтобы сотня перевёртышей могла наблюдать за ней, крылатой. А может, это такая клетка?

В остальном это была точная копия спальни Берилл. Хант подготовился очень хорошо. Одежда, правда, не вся обычная, книг о цветах – меньше. Гербарий редких растений – даже богаче, чем у неё. Но... как только она перестала слышать голоса перевёртышей, она тут же призвала крылья и вылетела прочь. Перевёртыши-мужчины, мимо которых она пролетала, что-то кричали ей, догоняли, но боялись схватить, боялись повредить, сломать ей крылья, которые и так не везде помещались при полном размахе. Так она металась по подземному дворцу принца Ханта пару свечей, наверное. Один красивый варлорд уговаривал её успокоиться и вернуться в свои покои. Он назвался маркизом Ханви, был хорошо одет и учтив:

– Герцог Грэм вернётся во дворец и всё уладит, вот увидите. Принц Акшен назначил его вашим представителем.

Стоило прозвучать этим словам, как в голове Берилл сама собой возникла мысль – отныне всё не будет таким ясным и понятным, как раньше.

– Никогда не слышала о принце Акшене. Кого вы имеете в виду?

– Герцог Грэм по возвращении всё расскажет вам, – с трудом пытаясь скрыть внезапное замешательство, сказал Ханви. – Его зовут Шон Грэм, запомните, пожалуйста. Он обязательно поможет вам.

– Я останусь здесь. Я не желаю возвращаться.

– Как пожелаете, – подобно придворному поклонился Ханви. – Но здесь за поворотом есть каменный лес, отдохнуть там будет удобнее. Не упрямитесь, прошу вас.

Берилл нахмурилась и внимательно посмотрела на Ханви. Может ли быть, что этот маркиз не в первый раз в такой ситуации? Может ли быть, что Хант не в первый раз похитил крылатую? Но раз так, то у неё, скорее всего, нет возможности выбраться. Если другим не удавалось, то и ей, скорее всего, тоже не удастся.

– Хорошо. Как пройти туда? – спросила Берилл.

Она со спокойным любопытством оглядела коридор-шток, который сначала напомнил ночной кошмар – лестницы и проходы так густо переплетены и ведут в таких направлениях и из таких мест, что у крылатой потерялось понимание собственного места относительно точки наибольшей гравитации. Будто застыла одновременно на потолке и на стене, задрав голову.

Берилл слышала, что во владениях перевёртышей принято ходить по определённой поверхности коридоров – по стене, по потолку или по полу. Варлорды, титулованные перевёртыши, лучшие воины и мастера, к примеру, могут ходить только по тому, что для Берилл и любого другого не перевёртыша называется потолком. Все остальные используют стены: женщины-серены ходят по правой стене, герарды, инуэдо и шипастые мужчины – по левой. Дети

ходят там, где проще – на естественном полу. Ну а задняя и передняя стены используются всеми, но по определённым правилам.

– У вас с непривычки может кружиться голова, – Ханви приблизился и предложил руку: – Позвольте, я отведу вас. В каменном лесу очень легко дышится и много места. Там нечему будет смущаться.

Берилл медлила.

– Можете доверять мне, – настаивал мужчина. – На моём счету нет ещё ни одной хоть сколько-нибудь обиженной леди. С поверхности, по крайней мере, – криво, с долей самоиронии, усмехнулся Ханви и вдруг стал очень понятным и знакомым. Берилл будто заново повстречала одного из внуков или правнуков брата, только вот перевёртыша по рождению, а не крылатого.

– Вы так молоды? – спросила она, подавая руку и всё меньше находя различий между Ханви и одним из родных, Лиоргом. Тот тоже всегда приветлив, деликатен и мягок с ней.

– Я действительно молод, но не настолько. В войне всё же поучаствовал.

– Что же, значит, вам очень повезло... не обидеть женщин.

– Великолепные слова. Позвольте мне обдумать их, пока мы направляемся к месту отдохновения. Держитесь за меня, и если вам покажется, что не справляетесь обилием впечатлений, то просто закройте глаза – я всё равно доведу вас.

Голова перевёртыша устроена иначе. Это Берилл поняла вполне, когда шла с Ханви по коридорам, настолько многослойным и многоходовым, что ей действительно стало несколько тяжело не спрятаться. Но леди вовремя заметила, что коридоры непередаваемо широки и просторны, отлично освещены, провалы огорожены, глубоко под поверхностью земли не жарко и не душно, стены искусно расписаны и где-то даже изредка напоминают обычные улочки Ньюна своей рельефной отделкой. Это помогло крылатой справиться с собой и она начала смотреть и запоминать всё вокруг. Ещё бы. На поверхности ничего подобного невозможно увидеть.

Заставили наслаждаться и дышать полной грудью мелкие, но широкие и длинные резервуары с водой, то и дело перерезавшие путь Берилл. Дно каждого такого бассейна было прозрачно, создано из цветного стекла, слюды или кварца, так что сияние подсвеченной снизу воды полностью преображало весь коридор. Один коридор был раскрашен зелёным, и Берилл так и захотелось войти в него – со стороны, словно лесная чаща.

Удивляли женщины и мужчины и то, как они пересекали коридоры по каменным лестницам и мосткам. Особенно показательными стали спускающийся по лестнице с потолка (с его точки зрения он поднимался), и по той же лестнице в тот же момент поднимающиеся женщина и ребёнок – но – с обратной стороны лестницы.

Удивляли роскошные яркие наряды, украшения и причёски. Взаимодействуя и с положением в пространстве, и с силой тяготения, и даже со сквозняками, они могли создавать потрясающей красоты переливающиеся водопады шлейфов, веера и сети, и бахрому, плюмажи, искусственные крылья и хвосты, ниспадающие потоки цепочек, словно готовые к падению капли из полупрозрачных камней, никогда и нигде больше не возможные.

Удивляли живые, эмоциональные, но и полные достоинства приветствия перевёртышами встреченных друзей и знакомых. Но даже незнакомцы здесь перекликались. Инуэдо высокого ранга, обычно высокомерные и холодные, какими их всегда видела Берилл на поверхности, нараспев начинали читать стихи. А кто-то из низших шипастых, вовсе не такой блестящий на вид, припоминал следующие строчки и тут же выплывающая из-за своей стены группа ярких серен на разные голоса продолжала декламацию.

Крылатая видела, как женщина в широких, явно же ночных одеждах, вбежала по иззастенной лестнице вверх, в коридор, и, изогнувшись, вытянувшись, дотянулась кончиками пальцев до поднятой руки варлорда, следующего с товарищами по потолку. Коснувшись друг друга,

любовники улыбнулись, и женщина так же скоро спустилась и скрылась в следующем проёме стены, прыгнув в него.

Какой-то перевёртыш-недоросток, убегая от преследующего его приятеля-сверстника, быстро перескакивал с одной стены на другую и, ловко петляя по лестницам, мосткам и коридорам, успевал кланяться вышестоящим, и, несмотря на нарушение правил хождения, его никто не торопился ловить и наказывать.

И всё же каменный зал после многослойной паутины коридорных лестниц показался Берилл просторным и упорядоченным до полного совершенства. Однозначным и истинным, с какой стороны не посмотри. Внизу, там, где полагалось ходить маленьким детям и гостям, на огромные расстояния вглубь и вправо, утопая во тьме, оставались заметными всюду только хорошей формы округлые арки и призматические колонны, их поддерживающие и их венчающие, без особенных украшений, из светло-серого пористого камня. Наверху, там, где гуляли другие перевёртыши, действительно стоял каменный лес с гранитными стволами высотой с дворец Сильверстоунов в Дефerrане, ветвями, кроной из песчаника, гипса, глины и извести. Гранитные корни обвивали верхний ряд колонн с арками, поставленных на арки нижнего ряда. И, вглядываясь достаточно долго, чтобы начать верить глазам, Берилл увидела, что такие же каменные гиганты были высечены растущими из стен и из потолка.

Но здесь, внизу, слабое освещение не сразу открыло для Берилл ещё одно чудо. Сначала она даже подумала, что видит нечто, вырезанное из полудрагоценного камня, но постепенно поняла, что перед ней – живое растение. Это был высокий белый цветок. Белый от толстого красноватого основания голого ровного стебля и до многочисленных кончиков лепестков-чешуек. Корни его скрылись в древесной трухе, собранной в амфороподобный горшок.

– Откуда это чудо? – спросила Берилл у сопровождающего.

– Принц Акшен нашёл его в одной из пещер и вырастил. У него есть много залов с разными вариантами этого цветка и помесями его с наземными растениями. Но это – наш первоцветок.

– Я с нетерпением жду знакомства с принцем.

Маркиз как-то уж очень тяжело вздохнул и, сделав несколько шагов вперёд, обернулся:

– Я не хотел бы допустить недоразумения или позволить ему развиваться. Принц любит меня за честность. Потому скажу: Акшен-до Накхана – истинное имя хозяина этих пределов. Но у него есть прозвище, данное ему людьми. Под этим прозвищем вы и знаете принца. Они называют его "Колин Хант". Простите, если разочаровал вас.

– Значит, тот герцог, о котором вы мне говорили, не поможет мне выбраться, если назначен самим Хантом?

– Ни в коем случае. Но, я повторюсь, Грэм особенный. В его силах сделать очень многое.

– Что же... с нетерпением жду знакомства с герцогом, – она постаралась выделить последнее слово. – Но, если разрешите, я останусь здесь. Сколько лет этому цветку?

– Шесть. Думаю, принц начал его поиски с того дня, когда понял, в чём суть вашего увлечения.

– И скоро нашёл.

– Ему повезло. Нам всем повезло. Грэм, по долгу учтивости, поддерживал беседу с одним древним шипастым и тот поведал о виденном когда-то цветке. Тогда мы все отправились на поиски. До этого белого красавца мы находили и другие растения, но они никогда не росли на такой глубине.

– То есть были и другие цветы, растущие без солнечного света?

– Да, несколько разновидностей. Но уникальность шитраки в том, что его удовлетворяют здешние температура, излучения, поле и газовый состав. Более того, возможно он мог бы жить, не нуждаясь в питании от разлагающейся древесины. Как, кстати, вы себя чувствуете?

– Я хочу посмотреть на другие цветы.

– О, в них ничего особенного. Все бледные, почти белые. Их всего четыре группы: первые – похожие на веточки, растут только рядом с соленосными водами или возле соляных шахт; вторые – сетью покрывают места сброса золы, сажи и прочего шлака, вам там небезопасно; третьи – растения-паразиты, вырастающие в корни поверхностных деревьев снизу; четвёртые – сланцевые... знаете, они не похожи на цветы. Скорее, на наполненные водой шары.

– Всё равно. Я хочу взглянуть. Отведите меня туда.

– Это ни к чему, ведь вам принесут образцы – только скажите.

– Нет, я должна увидеть их естественную среду обитания.

– Понимаю, но для вас, крылатой, сложно будет не получить отравление от испарений в среде.

– Вы уверены?

– Полностью.

– Тогда расскажите мне всё, не упустите ни детали. Я ведь даже не знаю, что такое сланцы... сланец... как правильно?

Маркиз произвёл впечатление перевёртыша, много знающего почти обо всём, но поверхностно. Глубокими его знания оказались Берилл лишь в отношении одного предмета – состава и свойств породы, слагающей земную твердь. Но это и не удивительно, коль перевёртыш и живёт в шахтах.

– Впрочем, думаю, вам можно побывать вблизи от соляных шахт или войти в одну из старых. В любом случае – не смертельно.

И Ханви повёл гостью выше и дальше. Путешествие показало Берилл, что она голодна и устала, но она не сказала об этом ни слова, потому как задержек перед встречей с редкостью допускать не хотела.

Однако на подходе к соляным выработкам им попался какой-то инуэдо из тех вояк, избегающих опознавательных знаков, что часто бывают на поверхности, в поисках женщин и крылокола, а так же стычек с крылатыми:

– Герцог Грэм ищет вас, Он очень сердит. Требуется вернуть инициату немедленно.

– Почему? – спросил Ханви без капли удивления. – Я действую по утверждённому протоколу.

– Судите сами: с двух сторон приказ сохранять секретность.

– От кого, приятель? От кого мы скрываем её? От леди Диаран?

– Нет. От самого Акшен-до. То есть, скрываем её пропажу. И... ваше с ней общение тоже, прошу прощения за откровенность.

– Вот теперь я полностью запутался.

– Надеюсь, Грэм даст вам разъяснения после возвращения инициаты.

– Что же, – Ханви повернул Берилл к себе лицом и с извиняющейся улыбкой предложил: – Не лучше ли нам с вами поскорее разобраться с вашим положением здесь, а уж затем продолжать исследование?

Берилл нехотя кивнула. После такого долгого пути к подземному чуду ей хотелось только одного – увидеть его. Но если Грэм может стать ключом, который выпустит её из подземелий Ханта, то она им воспользуется. А уже потом, на поверхности, спокойно займётся исследованием... впрочем... брат никогда не видел практической значимости её хобби... он не поддерживает её и не наймёт поисковиков.

Всю дорогу до выделенных ей апартаментов, Берилл планировала то, как именно сможет заняться изучением подземных растений без помощи Колина Ханта. Но... скорее всего ничего не получится без его помощи. Разве что стоит попытаться договориться с Грэмом или Ханви о сохранении секретности, как в этом случае с её исчезновением.

Грэм ждал пропавшую и её сопровождающего, прислонившись к косяку двери в стене-решете, скрестив руки на груди. Он, вынужденный ждать, был хмур и насторожен, но умерил показательность эмоций, когда Берилл приблизилась к нему на расстояние вытянутой руки, и оба прошли внутрь покоев.

– Разрешите принести извинения, – по придворному поклонился ей герцог, – за все тревожения сегодняшнего дня. Виноват принц Хант, это без сомнения, но я не должен был задерживаться, даже если полагал, что поспешив, застаю бурную любовную сцену.

– Ни о какой любви с моей стороны нет речи – вы должны принять это во внимание.

Возникла пауза, во время которой Ханви поклонился, не отрывая ярко заблестевших глаз от герцога, и вышел через оставшуюся открытой дверь на небольшую площадку, заканчивающуюся лестницей, серпантинном выходящей от верха до низа ярко освещённого коридора вертикального направления.

– Маркиз сказал мне, что вы способны если не вытащить меня отсюда, то помочь другим способом, и равноценно, – говорила Берилл, но засмотрелась на лицо Грэма и не смогла продолжить.

Красивый. Женщина в жизни не видела ни одного подобного лица. Красота крылатых часто сочетается с мягкостью черт, матовостью лиц и своеобразной дымкой, укутывающей всех, подобных Берилл, тогда как стоящий напротив, отличался, и сильно, точностью каждой линии. Идеально прямой нос, ровно очерченный пятиугольник лица, горизонтально идущие от переносицы к вискам брови, длинные ресницы и полный контраст между бледным, почти белым лицом и чёрными волосами. Даже то, как именно лежали его волосы, волнообразно и при этом очень чётко, гладко, подстриженные куда короче, чем это было модно – всё это лишний раз подчёркивало индивидуальность герцога. Ярко мужественный, но в лице что-то выдавало необычную мягкость. Снисходительность, пожалуй.

Большие, удлинённые светлые глаза и выдающийся нижний полукруг рта более всего обращали на себя внимание. Моргана, жена племянника, как-то кому-то говорила, что у перевёртышей ужасно твёрдые, непластичные губы и потому их улыбки и поцелуи скучны, мало притягательны. Вот герцога Грэма Моргана явно не видела. Возможно ли, что губы его такие мягкие, какими кажутся?

– Я смогу понять вас, если расскажете мне как можно больше, – нарушил молчание Грэм. – И зовите меня Шон. Мои покои далеко, но я в полном вашем распоряжении и каждый мой шаг будет подчинён вашему желанию, пока вы здесь.

– На самом деле я просто хочу выбраться отсюда.

– Сделаю всё, что смогу, но вы должны дать мне кое-что.

– Что же это? Не думаю, что герцогу империи нужны деньги.

– Я говорю не о плате. О вас.

Глава 2. Миллион поцелуев

– Покажите мне всё, что вас заботит, – продолжая, пояснил Шон Грэм. – Расскажите всё, о чём думаете. Я смогу выделить то, что использую как клещи, чтобы выдрать вас из мыслей принца Ханта. Я сделаю вас полностью неприемлемой для него.

– Не понимаю.

– Скажите, к примеру, что боитесь его. Ах, да. Крылатые не испытывают страха.

Шон Грэм развернулся и прошёл ближе к широкой постели, предназначенной Берилл. Взглянул на неё и пошёл в другой конец комнаты, туда, где стояли резные, словно увитые листьями и цветами, пара кресел и столик.

– Присядьте, – попросил он.

Берилл подошла и села, не отрывая глаз от герцога. Кроме красоты он отличился ещё и редкой грацией. Она видела, как двигаются перевёртыши. Их верхние и нижние конечности менее подчинены корпусу и менее едины в движении, но, несомненно, более тяжелы. У крылатых особенные продольные мышцы спины, шеи, груди и живота совершенно не выделялись, но не позволяли им сгибаться, сутулиться, пожимать плечами и вытягиваться с лёгкостью, а потому все иные казались немного... неудачно разболтанными. Герцог Грэм двигался ненароком, более других живо и плавно, но очень эргономично, что не делало его похожим на шарнирную куклу.

Стало интересно, что преподнесёт этот мужчина в следующую свечу.

Он сел, далеко отставив своё кресло от стола, но не стал вглядываться в её лицо. Смотрел куда угодно, но не на неё.

– Знаю, что ваша семья не будет стараться выволить вас. Они не придут. Но станут ли они отправлять вас сюда насильно, если вы вдруг вернётесь? – спросил Шон Грэм.

– Нет. Не думаю. Мой брат, как бы он ни хотел однажды лицезреть племянников, не допустит, чтобы Сапфир своей рукой или словом заставлял меня.

– Дело ведь не в том, чтобы заставлять или не заставлять, а в том, что Хант – перевёртыш, так?

Берилл нахмурилась. Война между Севером и Югом, закончившаяся в 220-м, по сути, была войной между перевёртышами и крылатыми. Современные законы запрещают любые разговоры, констатирующие оставшуюся ненависть, воспоминания о несведённых счётах. Так, даже в принсипате сотрудничали, не поворачиваясь, правда, друг к другу спинами, принц-перевёртыш Ретт Адмор и умертвивший его брата один из Сильверстоунов, крылатый принц Даймонд Лайт, сын Сапфира. Шон Грэм подставляется под удар, начиная подобный разговор. Демонстрирует уровень доверия?

– Скажите правду, и я заплачу вам не меньшей откровенностью, – настаивал герцог.

– Я бы не хотела говорить такую правду. Скажу то, что есть: герцог Сильвертон не приветствует браков между существами, с трудом понимающими побуждения друг друга. Союзы принца Дарка – все неудачные, а явление эскортесс, пусть даже Красивейшей и разумнейшей из всех... скажем так, не поспособствовало спокойствию в гнезде клана. Что касается того, что бы заставлять... никто и никогда ещё не пытался заставить меня ощутить свою власть над мной. Исключая сегодняшний случай вопиющей выходки Ханта. И я шокирована.

Герцог Грэм улыбнулся и, снова скрестив руки на груди, отвернулся и стал смотреть перед собой:

– Ну, хорошо, – сказал он. – Вы умная женщина. Разговор с вами словно приятная интеллектуальная разминка. Ваш брат – выдающийся дипломат, тот, кто привёл наши стороны к миру и объединению. Знающие, что такое суверенитет, каковы его формы и свойства, скажут, что это небывалый подвиг. О вас же говорили, что вам всё безразлично, кроме цветов. Что

вы замкнуты и в некотором роде эгоистичны. Но имея такого брата, вы просто не могли показать дурные качества... Так в чём причина такой концентрации на том, что обычно привлекает фитов? На растительности?

– Подлинное увлечение – ничего больше.

– Хотите есть? – вдруг слишком резко переменял разговор Грэм.

– Не отказалась бы.

– Штат поваров пополнился специалистом по питанию крылатых, не беспокойтесь. Вам скоро принесут ужин.

– Ужин? Сейчас так много времени?

– Да. Но до тех пор, если разрешите, я останусь с вами.

– Сколько угодно, если только это поможет.

Герцог Грэм встал и заходил по комнате.

– Мне мало. Вы должны указать мне какой-то путь к решению. Рассказывайте о себе, ну же.

– Понятия не имею, что можно рассказать. Я обычная. Скучная.

– Умная.

– И? Напугаете его тем, что я могу взять над ним верх интеллектуально и править им?

– Такого он не испугается, но самое удивительное именно то, что сказанное вами вполне возможно в реальности.

– Считаете?

– Уверен. Хант доверчив, и его уже не раз обманывали. От того, что вы крылатая, он будет думать, что вы с ним всегда кристально честны.

– Власть не привлекает меня.

– Власть нужна не для удовольствия...

– Нет. Из-за такого я здесь не останусь. О. Ведь это правда? Вы стремитесь сейчас и меня уговорить остаться здесь и понять, как от меня избавиться? Играете на две стороны?

– Я предан отцу и хочу, чтобы он был счастлив. Но дело не только во мне и в нём. Если он будет продолжать мучиться своей неразделённой любовью, то я буду продолжать то и дело подхватывать выпадающий из его рук меч власти. Централизованность управления летит к Хенеру. Понимаете о чём я?

– Не совсем.

– Его чувство к вам причиняет царству ущерб. Я всё чаще и чаще вынужден разбираться с тем, что он упускает, пропадаая в цветниках, ваших или своих.

Остановился посреди комнаты и задал ей вопрос:

– Что вы будете делать, если Хант явится к вам после ужина или ночью? Знаю, вы не подписывали с ним никакого соглашения, не являетесь его инициатором на самом деле, но и не любовница его так же. Но что если страсть заставит его перешагнуть через условности? Он бывает импульсивен.

– Я заметила, – сообщила Берилл, демонстративно обведя взглядом комнату. – Вы должны объяснить ему, если он не знает – перевёртыш убьёт крылатую, попытавшись овладеть ей против воли. Это не иносказание и не попытка образно выразить чувства. Это особенность различий в физиологии.

– Я знаю об этом. И удостоверюсь, что знает и он.

– Хорошо. Это первое. Второе: я ни под каким видом не приму его чувств. Он мне безразличен. Пусть продержит меня здесь до моей старости – нет, никогда.

Шон Грэм вернулся на своё место подле крылатой и, придвинувшись и положив руки на стол, заговорил:

– Он не отпустит вас тут же, руководствуясь только этим вашим мнением. Вы в его пределах. Для него то, что вы – здесь, уже и есть огромный шаг вперёд. Он может смотреть на вас и касаться вас, когда пожелает. Он не упустит шанса насладиться этим.

Берилл обернулась к стене, через которую, кажется, Хант и планировал наблюдать за ней. Что за?..

Грэм тем временем дотянулся до её руки, взял и слегка сжал её пальчики.

– Видите, как это легко?

Жар от руки перевёртыша передался Берилл, наполнил её и заставил ощутить, как к щекам начинает приливать кровь. Девушка некоторое время удивлялась своим ощущениям, но подняв глаза, наткнулась на внимательный, слишком внимательный взгляд.

– Ваши глаза, – произнесла она с небольшим трудом. – Они светло-серые. Это же редкость для перевёртышей, не так ли?

– Похоже, отец всегда искал женщин с таким же прекрасным и ледяным взглядом, как у вас. Если подумать, то вы многим напоминаете мне мою мать. И потому кажется такой близкой и понятной. Внушаю ли я похожее чувство вам?

Один из племянников Берилл хранил титул талантливейшего соблазнителя, потому ненадлежащий комплимент, чуточку обязывающая откровенность, рука в руке и уединённая тишина комнаты вдруг показались ей очень знакомыми по описывающим техники Роджера Кардифа книгам.

– Но что, если он согласится отпустить меня в обмен на обещание некоторых вольностей? – спросила Берилл, сосредоточившись.

– Не думаю, что это сработает, – нахмурившись, перевёртыш отпустил её руку и откинулся в кресле. – Даже если до сих пор, скажем, он мог только мечтать о том, чтобы коснуться ваших волос, то получив вдруг разрешение...

– А если это будет чуть большая вольность?

– Что вы имеете в виду? Или... что вы можете предложить?

– Не знаю.

– Акшен-до направляется сюда, – объявила, распахнув потолочные двери, какая-то женщина-перевёртыш, одетая блекло и неинтересно, стянутая множеством ремней.

– Я остановлю его, – быстро поднялся Шон Грэм и вышел.

Глаза отца, застывшего на лестнице выше, горели. Он судорожно сжимал рукоять меча.

– Зачем ты взял его с собой? – спросил Шон, приблизившись вплотную.

– Не знаю, – ответил Акшен и оглянулся, словно только что понял, с чем пришёл, откуда и к кому.

– Для неё будет выглядеть так, будто ты намерен сражаться с ней, – усмехнулся сын принца.

Акшен усмехнулся в ответ, но глаза его смотрели невидяще.

– Позволь мне сказать, отец, – попросил Шон.

– Я слушаю.

– Сейчас не подходящее время. Будет лучше всего, если она поест и проведёт здесь ночь. Затем вторую и третью. Не появляйся перед ней. Не давай ей шанса говорить с тобой, уговаривать тебя отпустить её. В крайнем случае, она надавит на твои слабости или соблазнит тебя пустыми обещаниями, и ты отпустишь её.

– Я всё ещё слушаю, – принц Акшен так иногда давал понять, что говорящий тратит его время, не предлагая сразу же удобного варианта решения.

– Тяни время. Она должна немного привыкнуть к твоему дворцу и тогда ей будет проще увидеть то, что до сих пор скрывалось от её взгляда.

– Бред.

– Поверь мне.

- У меня нет времени верить твоим предположениям.
- А что ты собрался делать?
- Не... не знаю.

Отец дважды глубоко вздохнул и перестал дышать вовсе. Свободная его рука потянулась к сердцу. На лице и в голосе – боль:

- Я... больше не могу. Это чувство... оно скоро сделает в моей груди дыру. Кусает и жжёт. Я... не выдержу и дня.
- Ты должен. Ты молод и силен. А ей всё равно, отец, что бы ты ни делал.
- Я назначил тебя, чтобы ты помог мне соблазнить её, а не усугублял моё отчаяние.
- Отчаяние? Она считает тебя похотливым идиотом, у которого только обнажённые красотки на уме. Она думает, что если предложит тебе каждодневный поцелуй, то ты согласишься отпустить её наверх.

Акшен Накхана вдруг сел, там, где стоял, прямо на ступеньки.

– Тебе что, ни одного её поцелуя до сих пор не удалось получить? – не веря, шёпотом спросил Шон. Вид отца подтвердил догадку сына: – Боги. Ты... да что с тобой? Ты... согласен?! Эй! – крикнул он вслед бросившемуся вниз по лестнице, отцу.

– Я отпущу тебя, если ты будешь дарить мне свой поцелуй каждый день отныне, – услышал Шон голос отца из комнаты Берилл.

- Нет. Это низко.
- Ты передумала? Я отпущу тебя завтра, гарантирую.
- Ах ты... хорошо. Хорошо, знаешь... – Берилл не смогла договорить.

Принц, совсем не обратив внимания на её зарождающийся гнев, поднял крылатую с кресла и мгновенно обжёг её рот своими губами. Ох, они твёрдые, горько-сладкие. Невозможно перестать чувствовать их, невозможно отгородиться, невозможно думать о другом.

– Не верю... как можно... я не знал... – бормотал Хант, продолжая целовать её лицо и шею. – Не возможно...

– Остановись, Хант, – приказала Берилл, ничего перед собой не видя. – За один поцелуй – один день свободы. Впрочем, целуй ещё. Зато потом столько же дней не поцелуешь.

Хант остановился, заглянул в её глаза. Берилл не впервые приходилось смотреть в глаза этого перевёртыша с такого близкого расстояния. Раньше, замечая, что слишком долго смотрит, она делала над собой усилие и отводила взгляд. Сейчас же не могла. Его чёрные глаза блестели тёмно-красными и бордовыми стрелками, отходящими от зрачка-треугольника, сейчас стремительно округляющегося. Глаза перевёртыша поглощали крылатую, расслабляли, затягивали в своё тепло с ещё большей, чем обычно, силой. На данный момент девушка не понимала, что приятнее, поцелуй чёртова Ханта или его открытый взгляд, облегчающий и упрощающий всё на свете.

– Тогда не останавливай меня, – попросил он.

– Ладно. Не останавливайся, пока не поцелуешь, по меньшей мере, миллион раз. Тебе же хватит этого, правда?

– На первый миллион дней – да, уверен.

– Ужин для инииаты, – объявила женщина-перевёртыш, проходя по своей стене к столу и выкладывая на него тарелки с благоухающей едой.

– Кто разрешил? – резко спросил Хант.

– Я, – донёсся голос от других дверей. Это был Шон, и он без страха насмеялся над собственным отцом: – Судя по всему, леди Сильверстоун ничего не ела с самого утра. Мы же не хотим, чтобы она принимала твои ухаживания только потому, что обессилила от голода? Кстати, сколько поцелуев уже было?

– Я не считал, – принц выглядел растерянным.

– Как? – посмотрела на него Берилл и призналась: – Я тоже.

– Не больше тридцати, – успокаивающе объявил Шон. – Отец, немедленно иди прочь. Ты опаздываешь – у тебя ещё масса нерешённых дел.

– Тогда оставляю её на тебя, – поведя плечами, сказал сыну Хант и вышел.

– Я скоро вернусь, – сказал Шон крылатой и скрылся за теми же дверями, что и принц.

– Что? – улыбаясь, спросил Акшен у сына, молча следующего за ним.

– Вынужден признать, что у тебя есть шанс, – проговорил герцог. – Но не вздумай надеяться на многое. Она из практичных особ, и не позволит тебе большего, чем ровно миллион поцелуев.

– Никогда не понимал, что достойного в статусе и деньгах, – отвечал Акшен-до с мечтательным видом. – Никогда не забывал, что я – простой инуэдо. Но сейчас я чувствую себя потрясающе богатым. Как это звучит, а? Миллион поцелуев!

Шон не смог подавить вздох.

– Тем не менее, я прошу тебя умерить пыл, отец. Она останется и на второй миллион поцелуев, дай только мне срок придумать что-нибудь.

– Хорошо. Думай. Всё равно у меня в запасе ещё миллион поцелуев.

– Девятьсот девяносто девять тысяч, девятьсот семьдесят, – остановившись, сказал Шон. Но отец его уже не слышал. Он двигался к покорению следующей вершины.

Герцог Грэм вошёл в покои Берилл. Она уже явно наелась и пила энгаму – хорошо разведённый соком крылоскол. Не иначе, как дело рук Ханви. Он-то знает, как важно бывает женщине расслабиться.

– Он должен был меня выпустить, не так ли? – спросила герцога крылатая. – Всё должно было быть именно так. Он ведь выпустит меня? Сегодня, сейчас?

– Я не думаю, леди Берилл. Он хочет сначала свой миллион поцелуев. Кто просил вас говорить ему такое?

– Не так уж я и умна, – крылатая откинулась в кресле и поднесла к губам снова незаметно наполненный герардой бокал.

Глаза леди потемнели после взглядов и поцелуев Акшена и ещё не вернули себе нормальный цвет. Оказывается холодная красавица-крылатая может быть соблазнительнее любой актрисы театра, стоит её только немного согреть.

– Вы свободны, – кивнул Шон наёмной служащей. Герарда немедленно покинула помещение, и мужчина смог высказаться: – Вы допустили ошибку. Большую ошибку. Вы действительно думаете, что после миллиона поцелуев он отпустит вас?

– Нет? – спросила она, но в её голосе было полное безразличие. – Пока миллион не насчитан, могу я посмотреть на цветы? Мне рассказывал о них маркиз Ханви.

– Не стоит. Вы многого не знаете о том, каковы правила в пределах перевёртышей. У нас свои законы. Множество.

– Но Ханви...

– Ханви своим сопровождением охранял вас. Но близятся свечи акцетта, и никто не сможет проводить вас. Вы увидите всё завтра. А сейчас прошу вас отдохнуть и насладиться звуками музыки. На линии серен старшие и младшие женщины скоро начнут игру. Вы сможете слышать всё отсюда. Можете выглянуть и посмотреть со своей площадки, но не ступайте на лестницу. Услышите свист – укройтесь в спальне. Две свечи по коридорам будут разгонять воздух. А перед сном я вернусь и помогу вам раздеться.

– Хорошо. Что? Раздеться? Вы?

– Такова обязанность любимого наследника.

– Так вы, кроме всего прочего, ещё и любимый наследник Ханта?

– Именно.

– Моргана Аргиад. Вы должны знать её. Она никогда не упоминала о вас и подобных обязанностях наследника.

– Вы не доверяете моим словам? Или же хотите обсудить Красивейшую?

– Первое.

– Смысл моего участия в вашем переодевании заключается в том, что я должен убедиться, что вы нигде не прячете если не оружия, то склянки с ядом. Для чего я должен видеть вас полностью обнажённой.

– Почему последить за этим не могут женщины?

– Они могут быть куплены. Да, в принципе это больше традиция, чем строгое правило. Но оно также имеет и другую историю.

– Любопытно послушать, – проговорила Берилл, обхватывая себя руками. На её лице скепсис едва-едва прикрывал волнение.

– Вы должны были знать, что царями перевёртышей становятся не всегда по рождению. Но что всегда соблюдается, так это то, что царь – лучший боец. Выбранный по такому правилу, он редко оказывается красавцем, и даже не всегда варлордом, как в случае с нашим принцем Хантом. Но он волен выбирать себе как самых сильных, так и самых красивых женщин для контракта. Потому дети царя часто куда красивее его самого. Итак, царь выбрал инициату, но он ей не по душе. Скажем, форма уха не та. Тогда он назначает самого красивого наследника на обязанность её... эристы. То есть почти любовника. Он должен возбуждать желание инициаты своим видом и речами, проводить с ней время, подносить к её губам пьянящие напитки и целовать её обнажённую спину, чтобы, когда придёт ночь, царь мог прийти, укутанный во тьму, и взять готовую к любви женщину без церемоний и потерь во времени.

– Я не понимаю...

Шон почему-то опустил глаза. Не смог продолжать смотреть на неё. А Берилл кое-что поняла:

– Хм. Но всё это значит, что я могу отказаться от эристы, пока я не подписала контракта.

– Верно. Сегодня я и не планировал устраивать особенный вечер для вас. Я просил Ханта не приходить, дать вам время.

– Но он мог прийти, даже когда контракт не подписан?

– Вы забываете, что он хозяин этих пределов – раз. Что он импульсивен и влюблён – два. Что контракт – это оформление рождения в будущем ребёнка перевёртыша, а вовсе не право любить как того хочется – три.

– Мне кажется, что моя голова сейчас вмещает много слишком диких и непонятных фактов. Не как хочется мне? Что же, Хант в своих пределах может всё, что хочет, потому что сильнее всех?

– Грубо говоря – да.

– Я... отказываюсь.

– Поэтому я здесь.

– Понятно, почему Ханви так странно смотрел на вас перед уходом.

– Вы понимаете, насколько красивы?

Берилл с некоторым усилием сглотнула.

– Не расточайте обаяние понапрасну. Я планирую выбраться отсюда в ближайшее время.

– У вас все шансы. Вы легко можете поставить Ханта на место. Он робеет перед вами. Только отмените этот несвоевременный миллион поцелуев.

– Как?

– Очень просто. Вам он не нужен. Вы не хотите. Так и заявите ему, когда он явится.

– Ладно. Но он точно не придёт этой ночью? Я могу спокойно спать?

– Я не могу дать гарантий. Но я сообщу ему, что обязанности эристы сегодня не выполнял, так что он... он не станет надеяться на всё и сразу.

Шон уже пятился в сторону двери, и Берилл в последний раз окликнула его:

– Герцог! Эти... меня сильно смущает, что каждый может видеть меня из коридора.

– Ах, это... – Шон оглянулся на стену в мелких отверстиях. – Когда-нибудь я расскажу вам для чего всё это. Но можете быть уверены – герарды в обязательном порядке будут закрывать стену панелями снаружи. Всегда, когда в этом есть смысл. Отдыхайте.

Он ушёл. Берилл допила сладкий напиток и, поднявшись на ноги, поняла, что её ополити чем-то совершенно не способствующим борьбе за свою независимость. Едва добралась до постели, как голова её сама собой склонилась к прохладным шёлковым простыням, а глаза закрылись, и почти сразу леди сладко уснула. Шон приходил, чтобы полностью раздеть её, уложить и укрыть, но Берилл было всё равно, и она даже не сопротивлялась.

Электроуказатель застыл в трёх свечах до рассвета, когда леди Сильверстоун проснулась. Она пролежала полторы свечи, просто любясь тем, как через мелкие отверстия в стене, внутри погружённой во мрак спальни, попадает бело-жёлтый свет из шахты. Создатели наверняка добивались подобия ночному звёздному небу – зрелища, особенно привлекательного для перевёртышей.

Внезапно некоторые "звёзды" погасли. Берилл не думала, что может вздрогнуть, но это случилось, когда она поняла, что на лестнице подле её спальни появился кто-то. Он стоит там, не решаясь войти. Неужели Хант?

Берилл захотела встать, но тело странно плохо слушалось, к тому же, Шон раздел её до самого последнего лоскутка и убрал всю одежду. Осталось только закутаться в простыни и выжидать, притворяясь спящей.

Посетитель распахнул двери и вошёл. Пока он не повернулся лицом к свету, Берилл не могла быть уверенной в том, что это Хант. Но это был он. Несмотря на тьму, он уверенно двинулся к её постели. Ну, ещё бы...

– Берилл, – позвал он её отнюдь не уверенным и властным голосом. – Берилл.

– Я слушаю.

– Разреши мне быть с тобой сейчас.

– Не разрешаю. Я хочу спать.

– Спи, – сказал он, но, тем не менее, сел на край постели.

Крылатая снова смотрела на "ночное небо", и молчание длилось и длилось. Даже дольше, чем должно бы, потому что в тот момент, когда через тонкую ткань Берилл почувствовала руку перевёртыша на своём бедре, она промолчала. Его рука заскользила вверх и крылатая подумала, что если сделает, как хочется, и ударит, то простыни соскользнут с её тела. Пусть темно, но перевёртыши хорошо видят даже при самом малом источнике света.

– Больше никогда не приходи ко мне ночью, ясно?

– Ясно, – его рука сжалась в кулак и исчезла.

– И миллион поцелуев... я их отменяю.

Он ничего не сказал, только по части его силуэта на фоне "звёзд" стало видно, что задыхался принц-перевёртыш если не быстрее, то точно глубже.

– Лучше просто верни меня домой, потому что всё бесполезно, – повысила она голос, и он встал.

Миг смотрел на неё, наверное, а затем молча ушёл. Берилл, даже не успев поволноваться всерьёз, тут же успокоилась. И как по волшебству сладко-сладко уснула.

Шон вернулся утром.

– Я немного сомневалась в вас, – начала без приветствий Берилл, – но поняла, что ваши советы пришлись как нельзя кстати... у вас на щеке что-то чёрное... он приходил ночью, но скоро ушёл, сам.

– Знаю, – герцог потёр сразу обе щеки и, увидев на левой ладони тёмный след, поменялся в лице.

– Что случилось? – спросила крылатая и тут же вспомнила, что у перевёртышей чёрная кровь, а это в свою очередь значит...

– Я был в Хантовых залах сейчас. Тренирующиеся оказались ко мне слишком близко, – объяснил герцог Грэм, морщась.

– Не знала, что на тренировках кровь должна хлестать во все стороны.

– Смотрю, вы уже одеты, – отметил Шон и без всякого перехода объяснил: – Принц слишком расстроен из-за своей ночной неудачи. Обычно он куда более точен и аккуратен.

– Вы кажетесь задетым куда более серьёзно. Будто сами ранены.

– Я – нет. Но он тренировал моего любимого сына. Это его кровь.

Глава 3. Эриста

- О! Он жив?! – подскочила на месте Берилл. – С ним всё будет хорошо?
- Да, конечно. Эта рана подлежит естественной регенерации.
- Вы будто без ножа меня режете. Будто это моя вина.
- Нет. Не ваша. Это только его вина. Принца. Он всегда был таким. Увлёкшись вами, он стал рассеян. Но и раньше, влюбляясь, он становился только хуже. Правда, раньше ему всегда сопутствовала удача в любовных делах, и он скоро переставал терять концентрацию.
- Вы не любите его за это?
- Ненавижу. И ругаю себя. Любовь и ненависть, уместаясь в одном сердце, разрывают его на части. Это больно, несправедливо.
- Вы говорили ему об этом?
- Говорил. Но... – Шон не закончил. Закрыв свои прозрачно-серые глаза и сжал губы. – Ненависть – это слишком сильное слово для того, чтобы описать мои худшие чувства к отцу. Скажем так: мне надоело его подчёркнутое нежелание совершенствоваться всесторонне.
- Вы слишком требовательны, Шон, – покачала головой Берилл. – Не всем дано быть идеальными.
- Разве? А на что Боги дали нам настолько несоизмеримые сроки жизней? До тех пор, как четыре вида собрались на Клервинде, люди жили по полвека, фиты – сорок веков, а вы, крылатые, по 15 тысяч лет. Теперь, когда мы все перестали не только умирать в свой срок, но и хоть сколько-нибудь заметно стареть, разве не стало ясно, что вот он – шанс создать подлинную утопию? Перемирие и создание единой империи разве не гигантский проект по переходу на другой уровень существования?
- Подумав, я без сомнения соглашусь с вами, но сейчас признайтесь себе – вы просто очень рассержены на своего отца. Весь этот пафос... всё это возмущение... ему, правда? Так ведь?
- Верно, – кивнул Шон, позволяя усадить себя в кресло. – Простите. Сыновняя почти-тельность заставляет меня придумывать всё более изощрённые речи для него, но... он... выслушивает меня всегда кто-нибудь другой.
- Молчание затянулось. Берилл обнаружила себя на корточках перед креслом герцога Грэма, вглядывающейся в красивое лицо этого мужчины с недопустимо близкого расстояния.
- Было бы здорово, если бы я присутствовала на тренировке, – сменила она тему, поднимаясь и отходя. – И Хант был бы осторожнее, и моя способность к целительству пригодилась бы.
- Это...
- Но поскольку меня здесь и не будет впредь... почему бы вам не нанять крылатого на такие случаи?
- Никогда.
- Сколько высокомерия, – неприятно удивилась Берилл.
- Нет, вы неверно поняли. Такова... философия. Из-за постоянного соревнования друг с другом, мы позволяем слабым и даже тем, кому просто не повезло, умереть, чтобы впредь не тратить на них время, деньги и титулы. Умоляющие о помощи само собой будут спасены, но затем откажутся от титулов или родства, и, скорее всего, быстро покинут предел, если не помыслят найти себе новое применение, что достойно, но куда более сложно. В любом случае, приближёнными к царю должны быть только лучшие, совершенные бойцы.
- Но это жестоко к тому, кто, насколько я знаю нынешний уровень фехтования, просто моргнул несвоевременно и только по этой причине пропустил удар.
- Шон усмехнулся.

– Вы не представляете, насколько приятно общаться с вами, – сказал он, смягчившись и отбросив мучительную тревожность. – Вы, ваше происхождение, нрав и свет ума – принц не мог выбрать другую женщину.

– Я не поняла, а в чём причина столь внезапного приступа лести?

– Наши герарды-мечницы достаточно молоды, чтобы мы, варлорды, могли слышать от них комментарии по поводу военного дела в целом и частном. Но вы как никто можете себе позволить говорить свободно из-за семьи, в которой появились на свет, леди Сильверстоун.

– Сильверстоуны во многом необычные крылатые – это правда. Но что же с моим освобождением? Я отменила миллион поцелуев. Он не обрадовался. Я бы сказала, что смирился с отказом, но не могу утверждать.

– Когда он остынет, я попытаюсь поговорить с ним. Однако только что, в его залах, всем стало видно, что он не готов признать поражение. Не сегодня, нет.

– Я доверяю вашему суждению. Так я могу теперь взглянуть на цветы?

– Вы должны позавтракать, а затем отправимся в путешествие. Цветники с гибридами действительно занимают много места. Чтобы обойти всё, нам не хватит дня.

– Вот и замечательно. Мне некогда будет вспоминать о том, что я пленница.

День пролетел незаметно. К вечеру Берилл так устала, что снова не поняла, как была раздета и укрыта. А утром – не отвлекаясь – с головой в исследование.

Хозяина пределов видно не было, и, забыв о нём, крылатая получала немислимое удовольствие от знакомства с совершенно новыми типами растений. Шон рассказывал ей подробно о том, как и с какими цветами были скрещены основные пять видов и рассказывал о каждом получившемся гибриде.

Берилл сильнейшим образом впечатлили разнообразие, красота и количество растений. Близился уже пятый день пребывания крылатой в неволе, а она понимала, что возвращаться к своему обычному саду не слишком-то и желает.

– Акшен-до, – позвал Шон отца, входя в тренировочный зал.

Принц как всегда оттачивал мастерство. Он и должен был – если повелитель предела вообще хотел жить – он совершенствовал навык защиты.

– Новости?

– Как и ожидалось, она полностью очарована цветниками. Ты победил, – пообещал Шон. – Она останется.

– Но? – на выдохе, со свистом спросил Хант, делая резкий выпад в сторону одного из противников.

– Но, к сожалению, это всё. Она заключит контракт без обязательного рождения наследника. В соответствии с типовым вариантом номер один, такой контракт ставит условие: если не удастся зачать в первый год, то в последующие четыре года не будет попыток.

– Ясно. Что ещё?

– Я не закончил, отец. То, о чём я сказал – только в области её чувств. Она ещё не выразила всё это словами. В ближайшие дни она выскажется в пользу моего тебе обещания и тогда твоей задачей останется лишь одно дело – появиться вовремя во дворце Точки Соглашения, без вопросов подписать контракт и снова заниматься своими делами. Не нужно давить на неё и после подписания.

– Как интересно ты мыслишь, Шон. Не нужно давить на неё? Как я добьюсь взаимности, ничего не делая?

– Сначала я закреплю её положение здесь. И... такое ощущение, что ты себя не знаешь.

– Опять?

– Я устал зря сотрясать воздух, объясняя тебе прописные истины. Мы обо всём этом говорили. Оставь свои...

– ...Я привык делать дела. Своей рукой. Понятно?

– Аа-ахр... – выдохнул, перейдя на рычание, Шон. – ...Бесишь. Тысячу раз говорил тебе!..

– ...Да-да...

– ...Ублюдский инуэдо... – шёпотом выругал отца герцог и вслух, куда громче, принялся договаривать: – Ты из тех, к кому всё само приходит, стоит только подождать. Сиди себе в засаде и попивай шоколад из хрупких чашечек. Ты вообще доверяешь мне?

– Доверяю. Только вот она – крылатая. Сэйи знает, что у неё в голове.

– У неё в голове то, что для тебя необъятно. Я втисну всё это в приличествующие твоему вкусу рамки. Всё для тебя.

– ***** *, прекрати подчёркивать это!

– Это не я выбрал неудобоваримое блюдо к столу.

– И это прекрати подчёркивать. Убирайся. Или лучше меч доставай и иди ближе.

– Нет. Твоя инициата ждёт меня.

– Тогда развивай скорость в том направлении. Раздражаешь.

Шон отправился к возможной будущей мачехе, но в тридцати шагах от отца, в коридоре, его остановил единокровный брат, Арго Тангам:

– Что? Зол он ещё?

– А разве он вообще когда-нибудь был зол? Действительно? – усмехнулся Шон.

– Очень уж было похоже. По крайней мере, утром.

– Чего ты хотел от него?

– Попроситься на место эристы для его возлюбленной. Инициату имею ввиду.

– Зачем это тебе? – изумился Шон. – Не верю. Не верю, что у тебя на это есть время и... ты же лентяй, Арго! С чего тебе восхотелось стать эристой?

– Вот именно, с чего? – спросил из темноты выдвинувшийся отец.

Почему он пошёл следом? Что-то подозревает? Нет, нет.

– А что? – вскинулся Арго. – Я не могу просто так захотеть подарить своё время красивой женщине?

– Дари своей жене, – грубо посоветовал принц.

– У неё уже есть эриста. А Шон тоже женат. И у его жены, как раз, я слышал, обязанность эристы никто не выполняет.

– Значит, жена ждёт его в своих покоях с нетерпением. А это в свою очередь может говорить о том, что любовник он отличный. Да и парень толковый.

– Сколько сразу... – притворно поразился Шон. – Я таки смущён. Полагал, меня наказывают этой обязанностью, а тут, оказывается, просто искреннее чувство к инициате.

– Да. Для неё – всё самое лучшее, – хмуро подтвердил Акшен-до. – Она не должна ждать тебя. Поторопись.

Шон пожал плечами специально для Арго и двинулся вперёд.

– Проявишь свою безответственность с ней – убью, – вдогонку сыну повысил голос принц. От злости герцогу Грэму шлось быстрее.

– Оставайся, – просил Шон крылатую, – я помогу тебе справиться с ним. Удерживал же вдали от тебя целую неделю, так? И ещё год смогу.

– Зачем? – с тоской посмотрела на герцога Берилл. – Зачем я здесь?

– Твоё присутствие вовсе не необходимо. Разве что принц будет больше времени проводить в пределах, зная, что ты где-то здесь, рядом. Да и составишь нам, герцогам и варлордам, приятную компанию. Всё.

– Так-то. К расцвету ваш предел я не приведу. Так не лучше ли мне быть среди своих?

– Дорогая леди, – вздохнул варлорд, – тебе лучше там, где ты хочешь быть. А ты хочешь быть здесь. Не из-за нашей дружбы, но из-за исследования. Тебе интересно. Цветы на поверх-

ности – ты абсолютно всё знаешь о них... А родственников ты можешь видеть и будучи эрц-принцессой. Хант не станет держать тебя взаперти ни мгновения. Ты сможешь хоть целыми неделями оставаться в гнезде Сильверстоунов, и Хант тебе и слова не скажет, лишь бы ты возвращалась. За пять лет... подумай, сколько ты сможешь сделать, сколько новых гибридов вывести. После этих пяти лет ещё больше цветов ты сможешь вырастить для поверхности и ещё больше – для нижних пределов.

– Зачем в нижних пределах цветы? Кому они здесь нужны? – спросила Берилл, но тут же сама себе возразила: – Впрочем, мне безразлично то, нужны вам здесь цветы или нет. Но они растут именно здесь. Потому, Шон, да, я здесь останусь. Я эгоистична? Слухи всё-таки не врут, а?

– Да, пожалуй, – усмехнулся Шон. – Но, Берилл, теперь надо заставить Ханта уяснить твою позицию... Не смотри на меня так, инициата. Я сказал, что удержу его, но не говорил, что он – полностью моя проблема.

– Ах, какой ты всё-таки милый, герцог Грэм. Я же ещё ничего не подписывала...

– Ах, леди Сильверстоун... прошу вас, – перевёртыш, самую малость дурачась, опустился на колени перед женщиной. – Прошу вас, выходите за него замуж. Я буду заботиться о вас. Берилл, ты будешь счастлива, я обещаю. Будет весело.

– Я согласна, мой дорогой эриста, – улыбнулась крылатая и провела рукой по гладким волосам Шона.

Контракт подписали во дворце Точки Соглашения. Не смотря на то, что Шон держался в отдалении, его взгляд словно направлял Берилл.

Хант сразу же отвёз её обратно в свой предел и последовал за ней в цветники. Прежде чем он сказал хоть что-то, она запретила ему подходить к себе в ближайший лунный период. И он ушёл.

Так целый лунный период молодожёны избегали друг друга. "Это хорошо", – говорила себе Берилл и с головой окуналась в исследования. Время продолжало сгорать с пугающей скоростью. Однажды Хант передал через Шона, что хочет участвовать в её работе. Но эрц-принцесса запретила хозяину появляться, объясняя отказ тем, что не хочет давать ему ложных надежд, да к тому же, эриста настолько всезнающ, а герарды так часто помогали принцу ухаживать за экземплярами, что теперь знают цветники лучше.

Хант не настаивал. Вероятно потому, что прочие наследники, после переданных Шоном слов, не упустили возможность напомнить принцу о его обязанностях.

Берилл виделась с Хантом в коридорах, но он никак не выражал ни чувств, ни нетерпения – лишь внимательно смотрел. "Ждёт", – понимала крылатая.

– Он восприимчив, как ребёнок, Берилл, – объяснял ей Шон на исходе того периода. – И действует как линза. Стоит одной тебе улыбнуться ему, и он будет расточать улыбки на весь предел и дальше. Стоит тебе отругать его, и тогда всему пределу придётся тяжело. Но тебя его влияние на нас не должно волновать. Тебя должно успокаивать то, что один твой взгляд отвергает его в сильные переживания. Я бы предложил тебе пользоваться, но ты говоришь, власть тебе не нужна.

– А тебе?

– Я бы сказал, что сейчас я на своём месте.

Берилл что-то как будто дёрнуло изнутри, ведь когда Шон соврал, она смотрела ему прямо в глаза и увидела, почувствовала ложь.

– Это было впервые... – тихо проговорила она. – Раньше мне всё равно было, когда я видела чью-то ложь. Но с тобой мне она... шокирующе неприятна, Шон.

Перевёртыш нахмурился.

– Выходит, я хочу занять его место? – спросил он.

– Выходит, что так.

Молчание длилось и длилось. Герцог явно переживал не лучшие мгновения. Был бы он крылат, его глаза поменяли бы цвет сейчас – в этом Берилл была уверена.

Берилл давно ни с кем не была так близка. Проблемы подруг детства касались чаще всего мужчин и хозяйственных дел – того, в чём леди совершенно не разбиралась, ну а дела братьев никогда не обсуждались в присутствии нежно любимой сестры. Позже заработанная ей репутация замкнутого существа отвращала всякого от мысли поделиться переживаниями с Берилл. Всего два раза крылатая неуклюже оказывала поддержку в трудный момент. Однажды это случилось в ещё совсем беззаботной юности, когда попала на глаза своему дедушке, Себастьяну Сильверу, тяжело переживающему реальность, в которой оказался. Убить собственного отца в одно мгновение и не помнить как? Каково? А каково было ей выслушивать покаянные стенания деда? А ещё тот случай: тогда, глубокой ночью, после того, как нынешний глава клана, герцог Сильвертон, в первый и в последний раз вынужден был произносить хвалебную речь старшим братьям Фердинанду и Ксандеру на вечере, устроенном в память об их героической гибели, самоубийственной вылазке, унёсшей жизни множества врагов. "Единственное", – процидил Ричард, от отвращения почти не переставая стискивать зубы до скрежета, – "что они сделали правильно – это сдохли, как положено. Сдохнуть именно так? Что же! Достоинно, герои. Но это всё равно не прощает им того, что они сделали с кланом. Бедность и долги, позор, разорванные навсегда узы... если бы я мог умереть, чтобы исправить всё, то сделал бы это не колеблясь. Чёрт. Это были последние старшие Сильверстоуны. Почему я всё ещё чувствую слепящую радость от того, что избавлен от них? Почему, не смотря на их блестящий и такой полезный финал, я всё равно жалею, что они не сдохли на пятьсот-девятьсот лет раньше?"

"Любовь и ненависть, уместаясь в одном сердце, рвёт его", – вспомнила Берилл слова Шона.

– Но я тебя понимаю, – наконец произнесла она. – Любой бы понял. Ты видишь его несовершенства и пороки лучше его самого. Ты осознаёшь, что о пределе нужно заботиться старательнее, чем он – я вполне понимаю такое желание власти. Мой брат был младшим в клане, когда взвалил на себя обязанности главы. Другие Си в те времена умели только проматывать последние деньги и волочиться за беспутными женщинами.

– Надеюсь, ты права, – Шон встал и заходил по комнате, но скоро подошёл к Берилл и взял её за руки. Поднял их за запястья, ладонями вверх, до того уровня, на котором, должно быть, у перевёртышей находится сердце. – Хотелось бы верить, что это именно такое желание власти, – окрепшим густым голосом произнёс герцог Грэм. – Я буду говорить, а ты будешь проверять мою искренность. Хорошо? Тебе не будет это слишком тяжело?

– Если ты именно таким образом хочешь лучше понять свои чувства, то попробуем. Отчего же не сделать этого ради знания истины?

– Я... – Шон посмотрел в её глаза, но стал разглядывать их так внимательно, что Берилл начала ощущать нечто проникающее. Тепло, наполняющее крылатую, захватило её врасплох. Она забыла предмет разговора.

– А?... – только и произнесла она. – У тебя красивые... глаза.

– Нельзя так говорить.

– Почему?

Собеседник смутился. Оказывается, перевёртыши смущаются точно так же, как и крылатые. Разве только не розовеют. Нет, не розовеют, но отводят глаза и возвращаются к другой теме:

– Думаю, вовсе не так уж важно, что я испытываю к отцу, – переменял мнение Шон. – На данный момент я должен делать всё для него и предела. И моё нынешнее положение подходит для этого даже лучше. Царь предела обязан постоянно доказывать свою превосходящую силу и ловкость, а для того проводить в тренировках уйму времени. Пока он отождествляет своё

право в боях, я могу поддержать его во всём, кроме... – Шон как-то очень уж резко осёкся и задумался. Он опустил голову и оставил левую руку Берилл.

– Кроме?... – попыталась напомнить Берилл место, с которого монолог герцога стал не слышим.

– Кроме расправ, – с некоторым трудом выговорил наследник. – Кроме правосудия.

– Почему? Он слишком жесток? Несправедлив?

– Нет, – покачал головой Шон.

И только теперь Берилл поняла, что именно ей казалось странным в этом перевёртыше. Никаких рогов на голове. Потому, наверное, ему довериться легче, чем другим.

– Ложь.

– Нет! – возразил Шон немного строже и громче, чем обычно. Это тоже была ложь, но не абсолютная.

"Тут что-то не так", – мысленно отметила Берилл. – "Хотелось бы разобраться, но Шон слишком напряжён. Да и уязвлён. Не стоило затрагивать эту тему. Зачем я вообще начала всё это? Чувствовалось же, что разговор может принять совсем плохой оборот. Не для меня, так для него".

Тогда она позволила ему отойти от темы.

Прошли второй и третий лунные периоды. Берилл даже не осознала этого, потому что в пределах, как оказалось, ни пик жары, ни её спад не ощутимы. А Шон действительно отлично удерживал Ханта вдали от неё.

Однажды Берилл в сопровождении герарды направлялась к цветникам, когда встретила своего супруга. Он был не один. Рядом с ним шёл принц Ли по прозвищу Лифорд, и за обоими принцами хвостом тянулась вереница по большей части очень красивых наследников. С большинством из них Берилл уже встречалась наверху, в городе, но некоторых видела сейчас впервые. Всё же, среди всех выделялся Рассел Ги – любимый сын принца Ли. Красота в нём если и была, то оценить её в состоянии были лишь серены. Кроме ауры непривычной жестокости, от которой у Берилл заглохло затылок, Ги Лифордский отличался ещё и тем, что взгляд у него был слишком острый. Острый настолько, что ощутимо колол прямо за ключицы. И если бы не этот взгляд, Берилл бы даже не подняла голову на потолок и не увидела бы над собой одиннадцать перевёртышей. Забавно, всё же, приседать в реверансе перед титулованными, зная, что они видят её так же, как и она их – вверх ногами. Но никто из мужчин не рассмеялся – в их головах такая перевёрнутость была нормальной. Тогда как для неё нет – и она широко улыбнулась, позволив себе это, чтобы только не рассмеяться в голос. Перевёртыши, однако, поняли её превратно. Они заволновались и стали переглядываться. Рассел Ги спрыгнул, крутанувшись, на её пол. Это, как успела узнать Берилл, не считалось особенно ззорным поступком, если планировался краткий обмен мнениями, но не более. Решив, что с таким она вполне справится, крылатая сделала пару шагов навстречу.

– Доброе утро, прекрасная эрцеллет, – сказал он с милой улыбкой и шире раскрыл глаза, с удовольствием ожидая привычной для него реакции.

Но Берилл не отшатнулась, несмотря на сильное желание. Улыбка её, правда, всё же испарилась.

– Хладнокровная леди, – кивнул и ещё шире заулыбался перевёртыш.

– Милый герцог Ги, доброе утро, – проговорила Берилл.

Но что ещё она могла сказать? Никогда раньше он не обращал на неё внимания. Чего ждать от него сейчас?

Она постаралась как можно мягче коснуться подушечками пальцев указательного пальца протянутой руки. Мужчина не быстро, но цепкой и сильной рукой схватил её кисть, немного притянул к себе и поцеловал запястье. Всё это выглядело вполне порядочно, но вместе с непередаваемо острым сожалением у Берилл возникло понимание того, что допущена ошибка. В

идеале надо было уклониться от разговора с Расселом Ги. Не стоило позволять перевёртышу из чужого предела, ещё и известному своей жестокостью, касаться себя. Он не подотчётен Ханту. Кто знает, что может случиться спустя пять лет? Вдруг он захочет похитить её – её, потому, что она не выказала опасений?

– Моргана как-то упоминала о вас, – попыталась сориентироваться Берилл. – Странно, но она говорила, что как раз вы были её эристой в пределе принца Ли. Я не придавала этому значения тогда, потому что не знала в чём суть обязанностей эристы, но сейчас меня живо интересует, чем вы заслужили подобное? Или же провинились?

– Поверьте, моё назначение – чистый формализм. А вы только что попытались выказать моей внешности пренебрежение или же это был проблеск юмора в воспоминании об общей близкой знакомой?

– Первое, но не специально... Хант? – позвала Берилл, прежде чем Ги ответил что-либо. – Могу я пригласить герцога на чашку шоколада в предстоящие дни?

– Конечно, – донеслось от хозяина предела.

– Удивительная эрцеллет, – снова улыбнулся герцог Ги и, после поклона, когда он поворачивался, чтобы отойти и прыгнуть вверх, ей показалось, что в его глазах появилось тепло.

– Стало быть принцесса Накхана интересуется изучением не только цветов, – констатировал принц Ли. – А и всего непонятого и недооценённого.

– Стало быть, – подтвердил Хант.

Берилл улыбнулась Лифорду и пошла своей дорогой.

В тот же вечер, до свечей акцетта, когда по коридорам должны были прогонять перенасыщенные потоки воздуха, для замены их поверхностными, Хант всё же появился. Берилл подозревала, что так будет. В конце концов, если Хант тоже слышит о жестокости Рассела Ги, то явится непременно.

– Берилл, – обратился он к ней, войдя и застыв в шаге от порога.

Больше ничего не сказал. Она терпеливо ждала, когда он заговорит, но он только смотрел. Ей показалось, что таким образом может упустить четверть свечи, если ничего не сделает. Но провоцировать Ханта на разговор не хотела. Она лишь склонилась обратно к своим записям. Тогда он подошёл:

– Что это?

– Каталог результатов скрещиваний, которые ты проводил. Я вношу правки.

– А это? – он взял и поднёс ближе к глазам один из черновиков.

Что это был за черновик, Берилл не поняла, потому дотянулась и в раздражении вырвала из рук перевёртыша бумагу.

– Это опорная таблица, – стараясь больше не злиться, проговорила крылатая, взглянув на листок и вернув на место.

– Таблица? Зачем всё так усложнять?

– Углубление знания невозможно без перемены методов. Хант, я прошу прощения, но, сколько вам лет?

– Двести сорок пять. Я родился в начале этой эпохи. И до сих пор полагал, что достаточно просто много читать.

– Ясно.

Опять молчание. Он перестал раздражать, когда она забыла о нём.

Внезапно появился Шон:

– Прошу прощения, что помешал. Отец, ты искал меня?

– Нет. Но пока тебя не было, я понял, что не могу с ней разговаривать. Пожалуйста, объясни ей, что с Расселом Лифордом шутить нельзя.

– Хорошо.

– Так, Шон, – вспомнила самое важное Берилл, и обернулась к мужчинам. – А ему объясни, что мне нужно гораздо больше места, чем тот зал, который он предоставил, а также зал с контролем температуры, нагнетанием ветра... и центрифуга.

Хант изменился в лице. Шон проглотил насмешку и вкрадчиво сказал:

– Он спросит, зачем тебе нужна центрифуга.

– Некоторые растения имеют свойство... да ты же наверняка знаешь, вот объяснишь ему на досуге. У меня нет на это времени. Пять лет – это слишком мало.

– Оставайся на следующий контракт, – живо вскочил Хант.

До того он сидел на её постели. По крайней мере, там она застала его, обернувшись.

Берилл смерила принца взглядом. Тот взволнованно поднёс руку ко рту и... он что, вытер слюни?!

– Шон, уйди, – услышала крылатая.

Шон моргнул и, немного замедляясь, повернулся к дверям. На его лице в последний момент Берилл увидела панику. Он не может не подчиниться отцу.

Глава 4. Детский вопрос

– Я жду, Шон, – Хант всё ещё стоял возле постели и не двигался. Но он злился, и невидимым огнём загорелось всё вокруг.

Пожалуй, надо спастись.

– Шон, вернись до акцетта, – бросила эристе Берилл. – Я не хочу обе свечи находиться в одной комнате с трупом твоего отца.

Шон ухмыльнулся.

– П-плохая д-девушка, Берилл! – заикнувшись пару раз, бросил Хант и вылетел из покоев своей жены.

– Ты умница, – похвалил её оставшийся перевёртыш. – Но становится опасно. Но ты всё-таки молодец. Но – опасно.

– Может быть, я научусь управлять им, и можно будет подумать о втором контракте.

– Он сойдёт с ума, – засмеялся наследник.

В следующий раз Берилл увидела Ханта на вечере в честь семидесятипятилетия императора. Шон доставил её, когда принцы-перевёртыши громко и весело пели гимны одному из своих богов на усреднённом варианте ингрендо.

– Это гимн Сэе – богу всех времён. Он самый главный из семи богов. Во имя долголетия... – Шон запнулся, – принято славить так же Анталя – прекрасный цветок жизни. Ты должна быть готова. У нас принято славить Анталя ещё и делом. От тебя потребуют зачатия. Ты должна согласиться. Ложь всё равно увидят только крылатые. И если мой расчёт верен, то слух о том, что ты солгала, достигнет императора и прочих принцев много позже. Да и особого значения уже иметь не будет.

– А что мне делать, если мои глаза пожелтеют от стыда?

– О. Я об этом не подумал, прости.

– Я что-нибудь придумаю...

– Не нужно, – вдруг решил эриста. – Если это естественная реакция для крылатой леди, то почему бы не позволить твоим глазам всё сказать вместо тебя?

– Ты прав. Принцы-перевёртыши наверняка ценят искренность. И честность, как я слышала.

– Да, ценят. Для них возможность увидеть истинные чувства – приятная возможность. Сферы их соприкосновения со всеми остальными существами этого мира заляпаны грязью интриг. Потому да – ходи среди них смело, Берилл. Ты им нравишься.

Всё случилось именно так, как сказал Шон. Берилл не только пожелтела глазами, но и залилась румянцем, хотя изо всех сил старалась контролировать себя, свои мысли и эмоции.

А позже Рассел Ги не упустил случая подойти и показать всем, что появилась ещё одна женщина, кроме всякое выдавшей Морганы и фитской главнокомандующей космофлотом Красной Кэс, которая его не обходит стороной, а поддерживает беседу едва ли не на равных.

– Вы собирались пригласить меня на чашку шоколада, – напомнил Ги, снова улыбаясь. – Но ваш эриста отговорил вас, не так ли?

– Нет, он ни слова против не сказал. Хант хотел отговорить меня, но у него не достало времени на это. Простите. На самом деле я банально подзабыла. Вы же слышали обо мне? О том, что говорят про меня?

– О том, что у вас в голове вместо мозгов одна зелень?

– Именно. Но как грубо. Вы мстите мне за то, что я опять не превозношу в стихах вашу редкую внешность?

Герцог рассмеялся. Он взял её за руку, повёл танцевать и болтал с ней ещё более свободно и весело.

Ханта отправили в предел вместе с Берилл поскорее, для исполнения "особенной части" гимна Анталю.

В экипаже Хант попытался поцеловать её, напрягаясь постепенно при полном отсутствии взаимных желаний. Не знаком с холодными женщинами?

– Хант, я солгала о зачатии, – сказала крылатая, как только появилась возможность.

Перевёртыши не видят лжи по глазам, как крылатые, а Хант ещё достаточно молод, а потому неопытен – наверняка сработала его доверчивость, о которой чуть ли не каждый день повторял Шон.

– О, я понял это, – удивил её Хант. – Не спрашивай как. Сам не знаю.

– Провёл логическую цепочку – что тут не знать?

– Не думаю. Я из тех, что чувствует живее, чем воображает.

– Потому ты так хорош с мечом. Всё понятно – инстинкты.

– Берилл.

– Ну что? М... опять будешь молчать полсвечи?

– Нет, я... – и он смолк. Так и не смог произнести ни слова с пользой. – Я...

Он снова начал попытки поцеловать её. Это было похоже на непрекращающуюся войну. Хант цеплялся к ней, а она пыталась вывернуться из его рук, но то и дело замирала, ощущая то его горячие губы, то пластины его доспехов через одежду.

– Послушай, я не стану этого терпеть, – высказалась она, когда стало ясно, что она может или продолжать увиваться, или сдаться, но никак не победить. – Ты хоть понимаешь, насколько больно делаешь мне, когда так хватаешь?

– Боги, как же я хочу убить эту женщину, – проговорил Хант. – Я ненавижу тебя, Берилл. Ненавижу. Чем дальше, тем сильнее.

– А. Ну прекрасно. Но... я не понимаю...

– Ты в чувствах вообще не разбираешься, да? Тогда не воспринимай мои последние слова всерьёз. Считай, что ошибся. Мужчины ненавидят, когда им отказывают в самом элементарном.

– Для меня это не элементарно.

– Я понял. Сегодня все это поняли.

– Так ты тоже знаешь про цвета эмоций крылатых?

– Знаю, что когда ты злишься на меня, твои глаза алеют. Это красиво и мне жаль, что это плохо.

– Бедняжка, – с полным безразличием в голосе отметила Берилл. – Однако отпусти меня.

– Берилл.

Он точно хотел сказать что-то ещё, но слова опять где-то застряли.

"Ну не может же быть, чтобы ему просто нравилось произносить моё имя?!"

– Да, меня зовут Берилл. А ещё я знаю, мы оба знаем, что меня надо отпустить.

– Ещё немного.

– Не стоит. Зачем?

– Потому что мне нравится, – в нём просыпалось раздражение, но мгновенно стухло. – Берилл. Берилл.

– Господь Единый.

– Берилл.

– Ты с ума меня сведёшь. Может быть, ты сам немного безумен? Хватит бестолку повторять...

– Я...

– Опять. Ещё раз произнесёшь моё имя просто так, и я тебя ударю.

– Ручки не поцарапай.

– Мечом.

– Да ты не знаешь, как его призывать.
– Этому учат в два года.
– Так рано?
– Проще, когда ребёнок знает, что такое призыв меча и даже сонный не перепутает его с ложкой, когда садится завтракать.
– Как такое возможно?
– Для меня в перевёртышах тоже многое является загадкой.
– Что, например?
– Тело. Вы двигаетесь пластично, но тверды. Как это возможно?
– Не знаю. А почему вы, крылатые, такие лёгкие и мягкие, но не разваливаетесь при каждом шаге?

– Из-за множества поддерживающих мышц и из-за того, что кость – очень пористая, а местами вовсе полая. Мы прибыли. Наконец-то.

– Тебе так неприятно быть со мной?
– Это не так, принц. Но сейчас ты делал две раздражающие вещи: первое – заставлял меня говорить то, что и так сам мог бы узнать из книг, а второе – бестолку повторял моё имя. Кроме того, время, потраченное на весь этот вечер, я могла бы посвятить делу.

Наружу она выскочила первая. Жаль, экипажи въезжают сразу в крытую часть двора надземного предела. Здесь не видно неба. Жаль.

– То есть то, что я поцеловал тебя, не считается раздражающей вещью? Берилл.
– О, снова это. Моё имя, – она обернулась и посмотрела на перевёртыша.
– Я буду повторять его столько, сколько захочу.
– Пожалуй, ты не выживешь, Хант.
– Ты смотришь на меня, обращаешь на меня внимание, когда я говорю твоё имя. Потому я буду говорить его.
– Это не самый лучший способ привлечь меня.
– Так скажи, что мне сделать.
– Ошибка. Роджер Кардиф никогда бы не попросил женщину о таком.
– А ему и не требовалось. Насколько я слышал, леди влюблялись в него, едва он входил в зал.

– Бред. Такого никогда не было, – засмеялась Берилл.

Роджер Кардиф приходился ей племянником и рос у неё на глазах. Он не был каким-то особенным, потому она с уверенностью сказала:

– Это полная чушь.
– Тогда ты наверняка знаешь, почему... почему Шерил Чедвик...
– Отказала ему? Потому что прошло только пять лет со смерти её мужа. Она ещё любила старого принца Макферста.

– Как можно любить так долго?

– Хант. Ты предлагал мне себя в первый раз шесть лет назад, помнишь?

– Помню.

Молчание. Понял что-нибудь или нет?

– Не провожай меня, – сказала она строго. – Я сама доберусь до спальни.

– Я должен зайти в неё.

– Э? Из-за дня рождения императора? Ну что за глупость, правда.

– Это наша вера. Можешь не ценить, но не мешай нам исповедовать её.

– Тогда, пожалуйста, прошу. Но больше не задавай вопросов.

Чуть позже, снова углубившись в записи, Берилл, внезапно отвлекшись на наблюдающего за ней принца подумала, что она общается с Хантом так же непринуждённо, как и со многими другими перевёртышами, и даже живее, чем с крылатыми. Впрочем, пока он не затыкается

после произнесения её имени. Если бы не это, Хант был бы, по крайней мере, неплохим собеседником. Но для того, чтобы устраивать её в качестве мужа, этого очень мало. Нужно быть образованнее, куда образованнее.

"Было бы здорово, если бы я могла быть с кем-то моего уровня знаний и интересов. Но, кажется, таких нет. Фиты не счёт – они управляют растениями инстинктивно. Кстати, надо бы пригласить кого-нибудь из них. Вероятность ускорения вегетативного роста на первый взгляд равна положительному ответу при применении центрифуги... Но, образованный муж – это было бы прелестно".

Не успела Берилл снова взяться за грифстек, как ощутила на своей шее... Хант!

– Перестань, я прошу тебя, – обернулась Берилл к нему, но тот как не слышал, только снова эти поцелуи. Без конца.

– Ты видишь это, ты чувствуешь это? – спросил он в какой-то момент.

– То, что я не пытаюсь наподдать тебе, ещё не значит, что я что-то такое чувствую.

– Но ты бы не стала тратить время на что-то подобное, если бы оно казалось тебе бесполезным.

"Да я лучше горсть песка съем, чем признаюсь, что мне нравится, как ты меня целуешь!" – подумала Берилл.

Ей бы следовало оттолкнуть его, но он лизнул уголок её губ, и крылатую изнутри окатило тёплой волной. И Хант сделал это снова. Снова волна, меньше, не слаще, но после неё будто зазвенели тонкие струнки где-то внутри. И это было очень волнующе и ужасно приятно.

– Акшен-до! – ворвалась герарда. – Вентиляция нижнего диапира сгорела!

– Что? Которая?

– Обе.

– С какой стати? Быстро лети с иниатой на холмы. Отправь в Цитадель к брату, – Хант посмотрел на Берилл и устремился прочь, на ходу бросив ей: – Будешь там до тех пор, пока я тебя не заберу.

– В чём дело? – обратилась Берилл к герарде, но та лишь схватила крылатую за талию и вынесла в вертикальный коридор.

Ни на секунду не остановившись, служащая сорвалась с лестницы и начала падение вверх, всё ускоряясь и ловко вовремя меняя направление падения. В считанные мгновения иниата оказалась меж холмами с просьбой подождать. Затем герарда пригнала экипаж, усадила крылатую и села править механическими животными. В окно крылатая увидела, как из дворца вылетела красавица в богатых ярких одеждах. Если бы Берилл хоть раз, хоть краем глаза заметила такую редкую женщину, то точно запомнила бы её. Но их не познакомили. Так не принято?

Только чуть позже, когда экипаж значительно отдалился, начали высыпать на свежий воздух прочие женщины и дети.

В доме Роджера, в котором в его отсутствие свободно, ни в чём себе не отказывая, жил весь клан Си(льверстоунов), её встретили с улыбками и объятиями. Сапфир предсказал, что она вернётся на трое суток.

– Герарда так и не рассказала мне, в чём причина, – обратилась Берилл к ясновидящему принцу-предку. – Может, ты объяснишь мне?

– А ты расскажи, что слышала, и Чайна Циан тебя просветит. Я мог бы объяснить, но у неё это получится лучше.

Один из внуков брата Берилл, Тони Эшберн, был женат на женщине-перевёртыше. История того, как родная дочь принца Ли оказалась в клане Сильверстоунов никогда не интересовала Берилл, но сейчас, глядя на слепую серену, крылатая понимала, что перед ней определённо жертва обстоятельств, да, ко всему, очень необычная.

– Я услышала только, что вентиляция какого-то диппира сломалась.

– Диापир, – поправила Чайна Циан. – В этом нет ничего серьёзного. Диапиры содержат соль, которую в обязательном порядке разрабатывают до конца. Но вот если Хант разрабатывает диапир под которым предполагается запас горючего газа, тогда твои принц и эриста в любую секунду могут лишиться хорошеньких мордашек и всех хоть немного выступающих частей тела. Да и предел может обвалиться. Достаточно одной искры или еле ощутимого землетрясения.

– Это плохо. А цветы страдают от этого газа, если он только смешается с воздухом?

– Я должен был знать, что будет такой вопрос, – произнёс Тони, закрыв глаза. – Бабушка Берилл неизменна.

– Бабушка Берилл неизменна, – эхом повторил за братом Джереми Дэлсиер.

– Тётушка Берилл неизменна, – повторила за приятелями Моргана. – Но Накханские мордашки жаль.

– Жаль будет только тех, кто сумеет быстро выбраться. Им, уродам, придётся долго регенерировать, – твёрдо уточнила Чайна Циан. – А всем остальным – нелепая и мучительная смерть.

– Ну а что с цветами-то? – напомнила о своём вопросе Берилл.

– Скажем так: опасно именно воспламенение. Это от огня и растениям придёт конец и не растениям – тоже. Но на счёт всего остального не знаю.

– О, наверняка всё будет плохо, – расстроилась Берилл. – Три периода исследований ни во что. Я ведь даже записи не смогла захватить.

– Таким образом, у меня в который раз создаётся впечатление, что в этом клане единственный нормальный разумный, – разорвав образовавшуюся тишину, произнёс Ханней Ойфред, один из правнуков брата. – И этот нормальный разумный – я.

– Нет-нет, – поспешил возразить Лиорг-о-Дарк, второй правнук Ричарда. – Я тоже нормальный.

– Ты? – обернулись на него Тони и Джереми. – Чем это?

– Я. Вот послушайте: у меня нет ледяной руки и злых глаз, я не слишком красив, не слишком праведник. И не слишком вспыльчив, что важно, не слишком требователен и не слишком терпелив. Я не слеп, не слишком свиреп, не гениален, не слишком потаскан, не слишком бездельник, не зубоскал, не слишком увлечён, и никогда не кажусь немного чокнутым.

– Точно, – протянул Джереми. – А кто бездельник?

– Ты, – мрачновато приговорил герцог Сильвертон.

– Почему это? – возмутился несчастный осуждённый.

– Ты за всю жизнь не сделал ничего, абсолютно ничего полезного.

– Я ветеран войны.

– Почти все присутствующие мужчины ветераны войны.

– А Тони? Почему он не бездельник? Он же тоже...

– Он женился.

Молчание. Тони захихикал.

– И он уже занял "титул" зубоскала, – откинувшись в кресле, продолжал доказывать свою правоту глава клана.

До Берилл дошло, что брат слегка нетрезв. Это явление было настолько редким, настолько незаметным и неопасным для всех остальных, что Берилл тут же снова забыла об этом.

– Кто сказал? Даймонд тоже зубоскал, – всё ещё спорил Джереми, пытаясь не обращать внимания на то, что своим упорством вызвал улыбки женщин.

Одна племянница, Мелисса, не улыбалась. Она подала Берилл бокал с келлером и устало села рядом, с таким же бокалом, но уже порядком опустошённым.

– Нет. Он скорее хам, чем зубоскал, но ещё он "слишком красив", – медленно выговаривал герцог Сильвертон. – Пожалуй, я дал бы тебе ещё один "титул" – слишком не умеешь проигрывать.

– Так сложилось, – воскликнул Джереми, разведя руками. – И я женился бы раньше Тони, если бы не чёртов вездесущий... ся Роджер Кардиф, потому что "слишком потаскан".

– Хочешь сказать, что в том, что ты бездельник, виноваты обстоятельства? – начал давить Ричард Сильвертон.

– А что такого? Мы же титулованные, нет? Махать мечом и хорошо выглядеть – вот наш удел.

– Он просто наслушался чёртова вездесущего... ся папочки, – примирительно проговорил "слишком свирепый и гениальный" Джулиан Дарк – главнокомандующий поднебесными войсками и старший из внуков Сильвертона – когда сразу несколько ртов открылось, чтобы опровергнуть дэлсиерскую гипотезу о смысле существования титулованных. – Он сам знает, что чушь сказал.

– Но, кстати, насчёт того, что Тони не бездельник, я готов поспорить, – так же медленно, как Сильвертон, проговорил Даймонд – принц-хам и "слишком красивый", – Валери женился позже и несмотря на то, что по всем законам природы не должен был стать отцом – всё же стал им и теперь богат на сына. Эшберн... похоже... не в силах... потрудиться... с такой же самоотдачей...

Граф Тони Эшберн постепенно перестал широко улыбаться, но затем сделал всего одно резкое движение вперёд и принц Даймонд Лайт подпрыгнул, перемахнув через спинку софы, на которой до того сидел.

– Чёрт, – выругался красивый древний принц, когда понял, что вызвал смех своей готовностью уклониться от удара одного из младших Сильверстоунов.

– Ублюдок, – с видом отомщённого сказал Тони, располагаясь в прежней позе.

Он сегодня был в разы молчаливее и злее, чем всегда.

– Не называй моего сына ублюдком, – попросил его наидревнейший предок – Сапфир – "иногда кажущийся немного чокнутым". – Его мать была честной женщиной.

– Ну, вот и скажи, как её звали, – скептический как никогда, предложил Ричард.

Мелисса, его дочь, не отрываясь, смотрела на него. Жених, с которым она должна была венчаться, но не венчалась, обладал обжигающим взглядом и прямо сейчас глаза герцога Сильвертона горели. Именно по тому, как исчезала холодность брата, Берилл и понимала, что он пьян. С этим понятно. Но что тогда с Мелиссой? Устала от тренировок? Потому зла на всех больше обычного? Просто вспомнила бывшего возлюбленного и расставание с ним?

Сначала ясновидящий сделал большие глаза, затем беззвучно зашевелил губами, посмотрел на свои руки, покусал губы и в конце концов пообещал:

– Но я обязательно вспомню. Иначе быть не может. Я совсем недавно вспоминал. Даймонд, не помогай. Да вспоминал же я!.. Ах, Шесна Коли. Выкуси, Ричард. Но что касается зачатий... Берилл, назови первую дочь – Кантабриллин, а первого сына – Габриэль, хорошо?

– Как она это успеет за пять лет?.. – тихо спросила Чайна Циан.

– Не собираюсь я заводить детей, – сказала Берилл. – Я солгала сегодня, потому что так хотел мой эриста.

– Да, конечно, – покивал Сапфир. – Но если вдруг... Габриэль, ясно?

– Никаких детей. Нет.

– Почему?

– Дети – это боль, потраченное впустую время и раздражение. Меня бесит сам Хант, а что же говорить о детях?

– Ты сейчас очень твёрдо настроена, да?

– Что ты там такое видишь в будущем, от чего я могла бы переменить мнение?

– Да ничего. Только факты.

– Оливия, проводи меня в спальню, – попросила Берилл жену брата и та поднялась со своего места.

– Постой, Берилл, – попросил Сапфир. – Эти дети нужны империи. На лицо все признаки высочайшей одарённости.

Глава 5. Предупреждение

– В каком это смысле? – застыла Оливия.

Но Берилл не собиралась слушать:

– Слышала, все считают меня эгоистичной? Вот пусть считают и впредь.

– Почему?

– Постыдно и недостойно, Сапфир, пытаться таким образом уложить меня в его постель.

Но даже если брать во внимание перспективы, то позволив существование этих двух детей, я навечно заключу контракт с Хантом. И он никогда не оставит меня в покое.

– Ты согласишься как крылатая. Перевертыши заключают контракты на пять лет. Думаешь, его самого уже не удивляет до крайности длительность влечения к тебе?

– Он даже не пытается осознать этого. Да он же идиот, Сапфир! Он редкая посредственность, по стечению обстоятельств и при воинской удаче вылезшая в принсипат. Какую такую любовь при всём моём неуважении ты мог обещать ему? Такую, которая позволит двум полезным деткам появиться на свет? Надеюсь, что нет – не хочу испытывать отвращение при мыслях об этом.

Сапфир вздохнул и промолчал.

Берилл хотела уйти, но остановилась, когда заговорила Моргана:

– Вообще-то перевертыши способны на длительные чувства. Помимо того, что их принцы заключают контракты, они продолжают держать при себе "драгоценных леди" и пару девушек в спальне. Если комнатные девушки – развлечение, прислуга, антураж и неизменный атрибут, то "драгоценные леди", иначе говоря, не порицаемые любовницы, могут сохранять положение веками.

– При этом тебя брали именно в жёны, Моргана, – произнесла Чайна Циан. – Не смотря на прошлое неумение родить наследника. Это бесконечно удивляет.

– Что?! – поразился Лиорг. – Невероятно. Все говорили, что ты была их... любовницей, не женой.

Моргана улыбнулась.

– Кто-то из принцев наверняка положил начало таким разговорам. Если бы я была умнее, то сообразила бы, из-за чего, почему и как, но да какая теперь разница? В моём случае и случае Берилл, так называемые брачные контракты подписываются из-за значимости персоны. Я не могла значить мало в глазах царей-перевертышей хотя бы из-за своей денежной стоимости. А тётушку Берилл Хант не мог оставить в качестве "драгоценной леди", потому что она крылатая и сестра Сильвертона. Во всех остальных случаях – да, уверена, он запер бы её в своём пределе до конца своей жизни. У повелителя предела скорее "драгоценная леди" – жена, – Моргана ненадолго смолкла. – Ах, вот поэтому принцы и называли меня любовницей!..

Сапфир не смог подавить тягостного вздоха-зевка:

– ...Ну кто тебя просил открывать рот, Моргана?..

– Так что выкуси, Сапфир, – подытожил герцог Сильвертон возникшее общее мнение.

– А детишки-то были бы чудесные, – снова вздохнул ясновидящий, но теперь уже с сожалением, похоже, в этот момент мысленно отметаая целый пласт возможного будущего.

Следующим утром Берилл вышла в сад кардифского дома и долго бродила по нему, сообщая, на каком месте оставила свои дела здесь.

Завтракать её позвали на веранду. Утренняя свежесть проникала внутрь, новые жёлтые драпировки и сочетание их с голубоватыми тенями понравились крылатой. Она похвалила выбор Оливии:

– Веранда стала наряднее.

– Спасибо, Берилл, – отозвалась Оливия, опуская глаза.

Похоже, вчерашний разговор и отказ Берилл не шёл у жены брата из головы. Наверняка она думала о том, что стремление исполнять свой долг во всём и всегда должны быть в крови у крылатых. Кто бы объяснил Оливии, что Сильверстоуны – необычные крылатые, и только это её муж – необычный Сильверстоун?

"Не я", – мысленно решила Берилл. – "Однако она не ошиблась в выборе супруга. Лишь бы брат однажды не передумал и не начал давить на меня. Кстати, а где он?"

– А где мужчины? – спросила вслух Берилл.

– Завтракают в других местах, – отвечала Моргана, поднимая руки и укрывая плечи узорной белой шалью. Эскортесс, Красивейшая из женщин, самая высокопоставленная наложница в истории этой планеты, теперь, замужем за бывшим кардиналом Айона Брайаном Валери, стала выглядеть очень свежей и невинной, хотя титул "слишком потаскан" Роджера Кардифа вполне себе принадлежал и ей. – Мелисса и Чайна Циан скоро будут. Я так поняла, что они ждут Шерил.

Шерил, устоявшая перед чарами Роджера Кардифа, всегда была мила всем в этом клане, но больше всего привязалась к Чайне Циан и Мелиссе, хотя немало симпатизировала и Оливии.

Вскоре подруги вошли и сели за стол. Шерил, как это бывало всегда при встрече её с Красивейшей из женщин, посмотрев на неё, помрачнела, но затем снова пришла в нормальное расположение духа и обратилась к Берилл:

– Все интересуются твоими впечатлениями о жизни во дворцах Ханта. Каково там?

– Лучше спросить Моргану. Ей есть с чем сравнивать, но не только это... Возможно даже, она могла бы набросать план каждого дворца на случай возобновления войны.

Мелисса невесело усмехнулась:

– Никто не хочет слушать рассказы Морганы. Говори ты.

– Но... я не интересовалась дворцом. Хант привёз в подземелье уникальные цветы, и я занималась только ими. Впрочем, меня очень удивили гигантские деревья из гранита, которые я там видела. А так же умиляет то, сколько старания прикладывают женщины, изготавливая вышивки для одежд мужей. Поразительна неожиданно идеальная красота наследников в их традиционных облачениях и уважительность их ко мне, несмотря ни на что... И все эти лестницы, запутанные переходы, и невероятные размеры залов, и то, как трогательно внимательны перевертыши к тем, кто ниже статусом.

– Несмотря ни на что? – уцепилась Оливия. – Это из-за семьи?

– Не думаю. Эриста дал мне понять, что увлечение мной Ханта не слишком хорошо скажется на его правлении. Его приближённые недовольны.

– А кто такой эриста? – спросила Шерил.

Она точно не подозревала ни о чём таком. Интересно, насколько она будет шокирована, когда узнает?

– Эриста – это тот, кто ухаживает за мной вместо мужа. Считается, что у принца нет времени даже на пару добрых слов, потому один из самых красивых и обходительных наследников, а чаще это любимый сын, занимается флиртом с новой мачехой. Может стать, что и не только флиртом. Я так поняла, что с эристой допустимо абсолютно всё, кроме тех самых грубых постельных телодвижений, подразумеваемых контрактом в обязательном порядке.

Шерил задохнулась от прилива эмоций. Самообладания у неё хватило только на то, чтобы закрыть рот.

– Но это ужасно, – выдавила, наконец, крылатая.

– Более чем, – кивнула Берилл.

– Не настолько, – возразила Чайна Циан. – Сумев снизойти к супругу и проявить больше нежности, чем обязана, ты даёшь ему возможность отменить назначение эристы. Без него ведь тоже можно.

– Ух, не надо так... – выдохнула Шерил. – Я уже было подумала, что это всё обязательно.

– Нет, не обязательно. Просто априори считается, что Хант не нравится Берилл. Если бы всё было по взаимной симпатии, то про эристу никто и не заикнулся бы. Принцы вполне могут сами заботиться о чувствах своих жён. Разве что в этом случае меньше спят и более уязвимы для предателей внутри дворца.

– И такое бывает?

– Это же перевёртыши, – фыркнула Мелисса. – Их нравы – нечто особенное.

– Более того, – продолжала Чайна Циан, – нередки случаи, когда любимые сыновья и наследники своей рукой убивали отцов ради царствования. Они, бывало, били в спину, а затем врали, что был честный поединок и отцу "ну просто не повезло". Такого боится Классик и так принято у Рашингавы. Потому Классик делает всё для того, чтобы получить сыновей-драконов, как известно, видящих больше прочих, и потому Рашингава подле себя держит только дочерей. Потому что принцы-перевёртыши не доверяют сыновьям. Никому. Впрочем, другие тоже настороже. Лиффорд, Хант и Адмор могут сколько угодно называть того или иного наследника любимым, улыбаться и ласкать. Могут советоваться с ним, прощать ошибки и осыпать привилегиями, но на самом деле всё это лишь для внешнего соответствия и на тот случай, если вдруг сын искренне предан – чтобы не обидеть и не восстановить против себя. И ещё, Берилл, – вдруг заговорила проникновеннее Чайна Циан, – не стоит очень доверять эристе. Кажется, что он соблазняет тебя для своего отца, но это может оказаться не так. Однажды он решит не уходить, и в ту восьмую свечи, пока ты должна бы ждать царя, он сделает тебе ребёнка, чтобы затем использовать вас обоих в своём продвижении. Доверяй только принцу – это с ним у тебя контракт, а не с кем-то ещё.

После того, как Чайна Циан смолкла, крылатые и эскортесс ещё долго молчали.

– А как же их хвалёная сыновняя почтительность? – вспомнила Берилл. – Я столько слышала о ней.

– От кого, от эристы? Понятно почему. Было ли так, что он не передавал каких-то твоих сообщений Ханту или не выполнял поручений отца? Наверняка было. И потом, он, должно быть, не стесняется критиковать его при тебе...

– У меня в голове не укладывается... не верится, что Шон может стать предателем... – проговорила Берилл, но тут же вспомнила, как уличила однажды во вранье своего эристу.

– Кому кофе? – спросила Моргана, поднявшись с места.

– Когда, наконец, придумают, как совместить кофе и шоколад? – возмутилась Мелисса, подумала и решила: – Я буду шоколад.

– Но критика Шона всегда уместна, – решила возразить Берилл. – Чайна Циан, почему ты так уверена в том, что права?

– Я не уверена. Просто ты крылатая и ради собственного спокойствия должна знать то, что знают перевёртыши с юных лет. При тебе они все наверняка так искренни и говорят только правду, но за стенами твоих покоев весь предел – огромное царство лжи.

– Но Хант действительно не идеален, – возразила Берилл. – Далеко не идеален.

– Случается и такое, – кивнула Чайна Циан. – Часто. Наследник может объединиться с "драгоценной леди" и женой отца, чтобы отравить его или пошатнуть, сильно, репутацию принца. Быть может Шон... Грэм, да?.. Быть может, герцог Грэм именно этого добивается. У него в запасе немногим меньше, чем пять лет. Судя по всему, у него есть шанс. Он нравится тебе больше мужа и это понятно. Я видела его несколько раз. Действительно красивый. Говорят, он не менее отца хорош в фехтовании. И очень образован.

– Как он может быть хорош с мечом подобно принцу и в то же время быть настолько образованнее его, когда он младше? – спросила Берилл.

– А как читал книги блистательный Роджер Кардиф? Кто-нибудь знает? – спросила Чайна Циан, обманчиво легко сменив тему.

– Нет.

– Я видела однажды, – подала голос Оливия. – Серв читал ему, пока он доводил до совершенства удар. При условии, что Роджер иной раз тренировался значительную часть дня, "читал" мудрецов и поэтов он очень быстро.

– И Тони говорил мне, насколько обширны были знания его отца, – продолжила Чайна Циан. – Герцог Грэм, похоже, пользуется той же хитростью. Скорее всего, он никому не рассказал о такой возможности, и теперь все в Хантовых пределах значительно отстают от него.

– Хант бы всё равно отставал, – заявила Берилл. – Иной раз он весьма и весьма поражает своей, мягко скажем, несообразительностью и заикленностью.

– Рэйн часто тоже раздражал меня, – вспомнила Мелисса своего поклонника, принца Росслея. – В свои последние годы он часто смолкал или сильно глупил с ответами. Но это ещё половина проблемы. Самым отвратительным было то, что я начала догадываться, о чём он думает в такие моменты.

– О чём? – поинтересовалась Моргана. – Неужели о каких-нибудь пошлостях?

– Именно. Его глаза становились тёмно-серыми. А выражение лица... опасное. Или тупое. Или голодное. Как когда.

– Жаль, по глазам Ханта не понять о чём он думает, – высказалась Берилл.

– Да наверняка тоже о пошлостях, – легкомысленно сказала Моргана. – Если уж даже у почти святого Брайана изредка проскакивает подобное, то это стандартная мужская особенность.

– Я не хочу верить в это, – произнесла Шерил. – Но, кажется, это правда. Эгертон тоже иной раз темнел глазами, но мы были женаты во времена войны, так что наши свидания были... совсем короткими.

– Шерил, это был твой единственный брак. Почему ты не хочешь замуж снова? – спросила Моргана и тут же изменилась в лице.

Шерил посмотрела на неё так, будто не знала, обидеться или нет, но всё же ответила аксиомой:

– Для брака крылатым нужна взаимная крепкая любовь.

– Ты вовсе не смотришь на некрылатых как на мужчин?

– Ну почему же. Некоторые Лифорды и Адморы кажутся мне очень привлекательными. Некоторые фиты тоже. И, само собой, наследник престола. Не смейтесь. Но, Моргана, надеюсь, тебе не придёт в голову устроить мне свидание, потому что я не заинтересуюсь в мужчине, даже если кроме высокого титула и заботы о внешности, он проявит твёрдый характер и жизненные принципы, покажет образованность, чувство юмора и оригинальность взглядов.

– О-о! Да ты просто запредельно требовательна!

– Очень, – кивнула Оливия. – И это не плохо. Если её не интересуют даже идеальные мужчины, значит, она ждёт только своего, неидеального.

– Скорее всего, – улыбнулась Шерил. – Надеюсь на особенную встречу хотя бы на исходе третьего тысячелетия.

Спустя две ночи и три дня Берилл покидала дом Роджера в Цитадели с обещаниями не забывать приезжать и хоть изредка сопровождать Ханта на вечера так, чтобы пару-тройку раз развлечься в одном зале с Сильверстоунами.

– Что с моими цветами? – первое, что услышал от неё Хант, когда встретил её среди холмов подле верхнего дворца.

– Всё хорошо, – не ожидая другого, спокойно отвечал принц, беря её под руку, ведя по дороге и продолжая рассказывать: – Утечка газа была существенной, но он не содержал ничего опасного для растений. Где-то я слышал, что этот состав даже может быть вариантом подкормки. Так что остаётся только подождать усиления роста и развития.

– А что за газ?

– Понятия не имею.

– Так откуда ты знаешь, что именно этот состав подходит? Кто тебе сказал? С кем мне поговорить?

– Берилл, я знаю состав, знаю естественные науки. Но вот познания крылатых в химии, напротив, ограничиваются красильнями и кухней. Так что навряд ли кто-нибудь сможет тебе всё объяснить, потому что подходящих слов на всеобщем просто нет, а получив разъяснения с применением ингрэндо в пробелах, ты рискуешь запутаться.

– Под запись, – предложила Берилл. – Я всё запишу, а на досуге выучу.

– Собралась учить наш язык и химию? Перевертыши приветствуют такое. Но сейчас приговаривая лицемерить то, что твои предки скорее всего называли Даром Единого или Священным Огнём.

Хант ввёл её в наскоро сложенную каменную сторожку. Шипастые расступились перед принцем и открыли взору Берилл столб пламени, с тихим гудением рвущегося откуда-то из-под земли.

– О. Это безопасно?

– Сейчас – да. Идём.

– А когда он потухнет?

– Не раньше 308-го года точно. Запас газа оказался поистине огромным.

– Так это он горит?

– Да.

– Но как же тогда цветы?

– Повторяю: всё с ними в порядке. Акцетт-станции работают очень хорошо. Однако ради профилактики я вынужден буду ввести ещё пару свечей акцетта в сутках. Перед рассветом.

– А как вы сумели не сгореть и не получить отравление?

– Какая ты любопытная, – внезапно остановился Хант. Он повернулся к ней и поднял её руки к своей груди почти точно так же, как это сделал однажды Шон. – А как ты провела своё время?

Он наклонился и легко поцеловал её в губы, не позволив ответить.

– Зачем ты сделал это? – спросила Берилл. – Это так нелогично. Ты спросил и не дал ответить. Не делай так больше.

– Имею право, – с улыбкой сказал перевертыш-принц. – Но на самом деле просто понял, что хочу этого немедленно.

– Вот так просто?

– Мне показалось, что в последнюю нашу встречу мы закончили на чём-то подобном. И это было неплохо, не так ли?

– Как сказать. Я тратила время впустую.

– Берилл, ты должна чаще отдыхать. Твоя головка должна отдыхать. Позволь мне дать твоему телу и уму отдых...

– Ты, таким образом, склоняешь меня к лишней свече в постели? – рассмеялась Берилл и, освободив руки, пошла вперёд. – Какой ты забавный.

– Забавный? – он был вынужден пойти рядом.

– Я хотела сказать – наивный.

– Что в этом такого?

– Если отбросить тот факт, что я не испытываю никакого желания, то затраченное на отдых время я компенсирую изъятием свечи у своего сна... что грозит мне увеличением показателя среднего числа ошибок в работе.

– И это я наивный! Милая, тебе не захочется подниматься раньше конца утреннего акцетта, если на время вечернего к тебе приду я, а не бесполезный Шон Грэм.

– Кто сказал, что он бесполезный? – вступилась Берилл за эристу.

– Он целовал тебя? Он делал тебе массаж хоть раз?

- Нет, но... что такое массаж? Это что-то пошлое?
- Ты не знаешь... позволь мне показать тебе сегодня, сейчас.
- Нет. Сначала я должна провести "малышей".
- Нет. Время позднее. Нельзя.
- Почему?
- Свет уже выключен, замки заперты.
- Так прикажи включить. Ты разве не хозяин предела?
- Хозяин, но я не хочу вызвать чьё-то неудовольствие или критику в твой адрес.
- Мне плевать на критику. Через пять лет меня здесь не будет.
- А ведь они так хвалят тебя за неприязнительность в быту, спокойствие и самостоятельность. А ты...
- Хант, я знала не много умельцев манипулировать. Но это то, что ты пытаешься сейчас делать.
- О, – Хант остановился как вкопанный. – Вот как? Но я не стану ничего делать. Я уважаю как чужой труд, так и чужой отдых. Если очень хочется – проси Шона. Пусть он берёт ответственность за твою репутацию на себя.
- "Шон, скорее всего, думает подобно Ханту. И с ним не очень-то поспоришь. Обычно это он говорит мне что делать, а не я – ему. Но... Главное не сказать об этом Ханту. Он может понять всё в контексте сказанного Чайной Циан. Вот уж, как ни безразлично мне происходящее в этом пределе, но провоцировать смуту я не хочу".
- Хант проводил, однако, её в спальню, и она не обратила внимания на это, не сочтя чем-то подозрительным. Но он закрыл за собой двери и решительно пошёл к ней.
- Стой. Ты чего задумал? – выставила вперёд руки и напряглась, будто ожидая удара.
- Поцеловать тебя.
- Зачем?
- Зачем мужчина целует женщину? Нам с тобой обоим нравится это.
- Ты шутишь!
- Нет. Я понял, что нам не нужен эриста. Мы и без него отлично ладим. Он только разделял нас.

Глава 6. Спасительный Шон Грэм

– Я бы предпочла сохранить это разделение.
– Почему?
– Ты мне даже не нравишься!
– Тебе нравятся мои поцелуи.
– Но не ты.
– Мы зашли в тупик, – констатировал Хант.
– Потому что ты не желаешь понять меня.
– С твоей стороны тоже самое.
– Давай разойдёмся сегодня каждый по своим постелям и подумаем о компромиссе, ладно? И потом, у тебя же есть другие женщины, зачем тебе я?
– Твои губы несравнимо слаще. Я хочу свой миллион поцелуев. Нет, теперь три миллиарда...

Он как-то слишком проникновенно сказал это. Для Берилл время, последующее за этими словами, будто вырезал кто-то. Бог Сэйя, наверное. Но оказалось, что она позволила Ханту положить себе на талию ладонь, притянуть, крепко прижать и поцеловать. К тому же Хант сделал это снова – лизнул уголок её рта и вызвал тёплую сладкую волну, другую, заставил ощутить напряжение и вибрацию собственного тела.

– Ты победил. Но пусть будет эриста, – прошептала Берилл, в изнеможении закрыв глаза. – Хотя бы на первый раз.

– Я вызову его, – отошёл он.

– Нет-нет! Завтра. Ты же уважаешь чужой отдых, помнишь?

– Ха-ха, – посмеялся мужчина, но вернулся за поцелуями. Подарив их не меньше полутысячи, неспешно ушёл.

Проснувшись утром, Берилл прокляла себя за обещание. Было так стыдно, что она прятала лицо в подушке до тех пор, пока обеспокоенная герарда не вызвала Шона.

– В чём дело? – спросил Шон, входя. Когда Берилл всё объяснила ему, он опустился прямо на пол возле кровати и долго молчал.

– Что мне делать? – спросила крылатая.

– Что делать? – переспросил Шон жутким голосом. – То, что пообещала. Это твой выход сейчас.

– Я не хочу.

– Зачем тогда?..

– Если бы я не пообещала, то он не ушёл бы этой ночью. Вот где ты был, скажи?

– Я тебе не сторож, Берилл, чтобы вечно охранять тебя от него. Да и что я сейчас могу сделать? Он заменит меня на Арго Тангама, если я откажусь или ты скажешь, что я плох, как эриста.

– Тогда что делать?

– Посмотри на меня сначала.

– Не могу. Мне всё ещё ужасно стыдно.

– Ладно. Я что-нибудь придумаю. Но не сейчас. Сейчас я слишком зол. Он опять не слушал меня!

Судя по звукам, Шон удалился. К полудню Берилл еле-еле заставила себя добрести до цветников и проверить их. Как и сказал Хант – экземпляры не потеряли тургора, не покрылись пятнами, не замедлили рост, но напротив – ускорили его.

Ужин не лез Берилл в горло. Но пришёл Шон, и ей стало немного легче, когда он объяснил:

– Мы пойдём на хитрость. Я обдумал целую кучу вариантов, но лучше всего будет, если использовать их все, один за другим, в определённой последовательности, по цепочке. Ты умеешь плакать?

– Кто не умеет? Кстати... вот вы, перевёртыши, умеете?

– Ещё как. Но я не о том. По заказу ты смогла бы?..

– Не знаю, – начала догадываться Берилл.

– Ну, слушай подробности плана. После развлечения эристой ты должна быть полуодетой, розовой и темноглазой если не от внутреннего жара, то от эйерна, хотя бы. Он входит, ты ждёшь момента и сбегаешь. Момент, нужный момент, наступит сам по себе, когда он разденется, или его приблизишь ты сама. Не позволяй ему ничего, пока на нём не останется ни клочка одежды, слышишь? Вот тогда убегай. Важный нюанс – ты должна забрать его одежду с собой. Ты успеешь добраться до верхнего дворца. Помнишь маленькую дверь слева в стене посреди широкой лестницы междворцовья? Это подстанция акцетта. Там ты спрячешься, укроешься под одеялами, которые я там оставил. Потом я приду за тобой. Если он помчится догонять не вполне одетый, что вообще трудно представить, ты начнёшь плакать, как только он сделает хоть что-нибудь. У него куча выступающих пластин по всему телу – скажешь, что прищемила себе палец, а затем откажись быть с ним, пока он не сделает что-нибудь со своими доспехами.

– Доспехами? Это вроде тех, которые есть у Брайана?

– У Брайана Валери? Да. Только отец их обрабатывает кислотой, чтобы не торчали, как у твоего... племянника... Племянника, да?

– Да. Хорошо. Я всё запомнила.

– И ещё кое-что. Нечто не менее сложное, Берилл.

– Что же?

– Хант может прийти раньше времени и наблюдать за тем, как я ласкаю тебя. Потому мне придётся делать всё по-настоящему. В том числе раздевать тебя. Когда я делал это в последний раз, ты крепко спала и не поняла, что я делаю. Но в этот раз, бодрствуя, ты справишься?

– Н-не думаю, Шон. Лучше я попытаюсь убить его при встрече.

– У тебя ничего не выйдет. И это будет глупо.

– Мне кажется, что самая большая глупость, это не сказать ему, что я передумала, а разыгрывать это всё...

– Ну, как-нибудь я тебе разрешу объяснить ему, что ты "просто передумала". Поскольку я буду рядом, то, полагаю, ты не будешь чувствовать себя в большой опасности, когда он снова начнёт доказывать тебе, что это он твой хозяин, и ты снова наобещаешь ему всего и сразу.

– Как это жутко звучит. Ты стал так... нетактичен, Шон.

– Это всё из-за того, что ты дала слабину. Я не рассчитывал, что ты... такая.

– Прости. Мне очень стыдно.

– Всё. Это неизменно.

– Что ты имеешь в виду?

– Не важно. Ешь. Купайся. Я приду сразу после акцетта.

– Ну почему всё это так обязательно ему?

– У меня и у него встречный вопрос: почему тебе так обязательно ему отказывать? Разве не проще сдаться?

– Ты серьёзно?

– Да. Это же просто постель.

– Это постыдно и противно. И я не хочу ребёнка.

– Ты женщина.

– И что? Это всё меняет? Раз женщина, то обязательно должна родить ребёнка?

– Не обязательно, но разве вы так не... ладно, о чём мы вообще говорим?!

– Действительно, – согласилась она, и Шон ушёл.

Купаться? Берилл тут же вспомнила, что видела в купальне множество порошков в стеклянных вазах, которые, как объяснили ей герарды, добавляются в воду во время всех типов омовений затем, чтобы кожа на ощупь была приятнее, слаще, и благоуханнее. Всё – для Ханта? Ни за что!.. Впрочем, Шону придётся касаться её... ничего, что она сделает это для Шона?

Когда он вернулся, Берилл уже вкусно пахла, была одета в ночные одежды и порядком пьяна.

– Не бойся, – прошептал Шон ей, подойдя невероятно близко. – Воспринимай меня как брата. И мы обманем его.

– Да, обманем, – шептала она в ответ. – Сегодня. А что будет дальше?

– Я уже кое-что продумал. Расскажу всё потом. Сейчас... он в любой миг может появиться возле дверей, – и заговорил громче: – Сейчас выпьем. Я принёс редкий эйерн.

– Всегда задавалась вопросом, почему все наши пьянящие напитки так же действуют и на вас, перевёртышей? Но не на фитов и людей?

– Берилл, милая, ты понимаешь, что соблазнять тебя просто невозможно, когда ты неожиданно начинаешь подбрасывать идеи для последующего построения новых гипотез? – ухмыльнулся Шон, приобняв её и притиснув к себе. Его тело оказалось совсем не таким твёрдым, как у Ханта, но более горячим.

– Хант бы сказал: "не знаю", – широко улыбнулась Берилл, завершив анализ ощущений. – Но ты сразу начинаешь соображать. Мне говорили, что ты образован более других в этом пределе, но только эрудицией твой ум не объяснишь. Я очень хочу когда-нибудь добиться такой же скорости мыслительных процессов, как у тебя.

– Ты себя недооцениваешь.

– Да? Разве? – Берилл постаралась как можно выразительнее изогнуть брови.

– Для женщины ты очень, очень сообразительна. С тобой сложно разговаривать, но не потому, что ты упёрта и упряма, как многие, но потому, что находишь неожиданные аргументы и очень критична.

– Шон, это потрясающе, – Берилл крутанулась, подняв руки, и таким образом вырвалась из объятий сладко-привлекательного пасынка. – Никогда не думала, что могу получить столько удовольствия от того, что услышу комплемент своему уму. Полагаю, опытные соблазнительники знают, что именно нужно нахваливать, правда?

– Ты тысячу лет жила в одном доме с Роджером Кардифом. Если ты полагаешь такое, то это наверняка так.

– Нет, если проводить параллель между тобой и Роджером, то он не стал бы отвечать так на моё предположение. Он бы перевёл тему. Ты... очень рассудочный, и мне это в тебе сразу же очень понравилось. Чем дальше, тем больше мне нравится это.

– Не понял, кто кого сейчас пытается соблазнить? Думаешь, у меня получится быть идеально корректным, если сейчас ты продолжишь очаровывать меня?

– Прости. Я пьяна, чувствую почти эйфорию, будто мне и двух сотен нет.

– Возможно, не стоит тебе больше пить. Разреши мне причесать тебя. Идём на постель. Там я займусь тобой.

– Как странно звучит.

– Замолчи, ты меня смущаешь.

– Ты эриста. Это ты должен смущать меня.

– До этого ещё дойдёт, гарантирую.

Шон, сев за её спиной так близко, что Берилл чувствовала жар его тела, принялся снимать все заколки. Когда чёрный шёлк волос укрыл её плечи, спину, его руки, колени и часть постели, до сих пор неосознаваемое волнение крылатой обратилось дрожью. Пытаясь сбросить непонятное напряжение, Берилл выбросила руки вперёд и потянулась всем телом. Шон,

не понимая, обхватил её за талию и потянул на себя. Крылатая упала на спину, на его согнутое колено, и освобождённо вздохнула – дрожь ослабла до сильного, но терпимого волнения. Встретилась глазами с эристой.

- Ты сейчас очень хороша.
- Мне очень приятно твоё внимание.
- Я рад, – он наклонился к её лицу и погладил лоб.
- Не хочу, чтобы он приходил.
- Я тоже.

Последовал осторожный первый поцелуй. Как бы Берилл не представляла до сих пор мягкость этих губ, но их нежность перемножила впечатление до невероятно восхитительного.

И как только Шон поднял голову, то тут же был притянут обратно.

Хант ворвался внезапно, неожиданно, испугав Шона и заставив его мгновенно спрыгнуть с постели.

– Ты должен был расчесать её волосы, а не спутывать их, идиот, – дрогнувшим голосом обвинил Хант сына.

– Прости, – только сказал Шон, прежде чем с подавленным видом опустить глаза и широким шагом уйти.

Берилл, однако, ничто не удивило и не потрясло. Действие эйфории, присущей ей радости и лёгкости, ещё не испарилось, так что она плавно поднялась и подошла к "хозяину". Проведя руками по его груди вверх, она заглянула в его глаза и не затерялась в них, как бывало раньше.

- Позволь, я раздену тебя.
- Х-хочешь посмотреть? – спросил Хант, заволновавшись, но стараясь держаться.
- Да. Никогда не видела тела инуэдо.
- Да, конечно, сделай это, – разрешил супруг, попытавшись облизнуть свои сухие, словно воспалившиеся губы.

Берилл больше не смотрела ему в глаза. Одежда перевёртышей, которую они носили на севере или в своих пределах, отличалась от одежды южан и придворных облачений. Отличалась в основном тем, что не имела обилия застёжек и каких-то изошрённых узлов, была широка и прилегала к телу не плотно. Потому едва развязав кушак на поясе, и сдвинув отделанные тонкой бахромой края ворота с его плеч в стороны, Берилл увидела, как весь шёлк буквально стекает с тела Ханта и легко, как пушистый снег, падает на пол. Это было так красиво, что ей захотелось повторить ладонями тот путь, который только что проделала одежда. Что же касается доспеха, то это действительно были костяные чёрные пластины, огромные, защищающие мышцы груди, и мелкие на животе, чешуйчатые и совсем редкие на боках. Руки выглядели примерно так же, как выглядели бы у Брайана, если бы он то и дело спиливал выступающие наросты. Плечи явно могли ершиться острыми и длинными шипами, толстыми у основания и тонкими на концах, чешуеподобные, но большие пластины закрывали бы внахлест руки, скрывая кожу до самого локтя, а у Ханта – до самых запястий. Но доспехи Ханта были неплохо обработаны – они выглядели только как немного выпуклые, овальные по форме грифельно-чёрные застывшие лужицы на коже, окружённые мелкой чешуёй по краю. Касаться их было не так уж неприятно, может из-за тепла, из-за понимания того, что сам доспех – часть живого тела и тоже в некотором роде обладает чувствительностью.

– Я... Берилл... не хочу верить в то, что ты сейчас думаешь о физических свойствах доспехов.

– Нет, – солгала она, – просто несколько удивлена открывшимся зрелищем. Пожалуйста, прости, что я так долго люблюсь.

– Ничего.

Крылатая взяла инуэдо за руку и повела к постели.

"Соображай!" – приказала она себе, толкнула Ханта на постель, и принялась разбираться с его штанами. Понятия не имея, как надо мыслить, чтобы всё это правильно надевать, она просто развязывала все многочисленные узлы и разматывала узорчатый шёлк с ног принца.

Едва осознав, что труд окончен, Берилл развернулась к постели спиной и стала спускать с плеч пеньюар, надеясь подражать в этом тому, как раздевала инуэдо поначалу. Но только когда кружево, сбившись в складки, застопорило движение на сгибах локтей, Берилл, не оглядываясь, сделала два шага, сгребла с пола одежду так называемого супруга, и, крепко прижав её к себе, вышла. Далее она не медлила и сделала всё именно так, как сказал ей Шон.

Позже, в подстанции, она лежала между железных труб, ящиков и странных на вид механизмов, на полу, на одеялах, и иногда глядя кончиками пальцев редкую вышивку на верхней, сиреновой рубашке Ханта, пыталась не думать о нём, его реакции на всё, а также хоть ненадолго заснуть.

Но едва получилось задремать, как пришёл Шон:

– Скорее, – сказал он, сгрёб её вместе с одеялами и полетел к спальне.

Одеяла он запихнул под кровать, одежду Ханта бросил на постель, а саму Берилл отправил в купальню.

– Ты нашёл её? – спросил кто-то у Шона, когда он вышел из купальни в комнату.

– Да. Она здесь. Ничего не говорит.

– Ну, вернулась и ладно. А что случилось-то?

– Отец тоже ничего не сказал? Может, поругались?

– Как необычно, – протянул, приняв предположение за утверждение, собеседник. – Что же, продержимся как-нибудь. Но постарайся уладить всё, Шон. И поскорее.

– Как получится. Ситуация непростая.

– Разберись. Иначе он точно прибьёт Ансумато.

– Ансумато бы покался – это и только это его спасёт.

– Считаешь?

– Считаю.

– Почему тогда не поговоришь с ним?

– Почему только я должен решать все проблемы? Ансумато герцог, и далеко не идиот, чтобы просто заблуждаться.

– Тебе не жаль брата?

– Жаль. Но не думаю, что Ансумато грозит смерть. Я хорошо знаю отца – он по натуре мягок.

– Верно. Останешься или проводить тебя?

– Проводи, пожалуй. Даже если Хант вернётся сюда сейчас, я ничем не смогу здесь помочь. Скоро утро.

Берилл оставалась в купальне ещё столько, сколько могла, и кто-то входил в её спальню, но тут же выходил несколько раз, но потом всё прекратилось, и Берилл спокойно вернулась и улеглась на свою постель. Хант, правда, разбудил её тут же, как только она закрыла глаза:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.